

Георг ЭБЕРС

Клеопатра

Георг Эберс

Клеопатра

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Эберс Г. М.

Клеопатра / Г. М. Эберс — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Клеопатра» — роман знаменитого писателя, профессора египтологии Лейпцигского университета, Георга Морица Эберса (Georg Mauritz Ebers, 1837–1898). Ученый-папиролог, Эберс открыл в 1873-74 гг. уникальный свиток в Луксоре, хранящий сведения о медицине древнего Египта.***Роман о прославленной египетской царице из династии Птолемеев — находка для ценителей эпохи. Образ, жизнь и деятельность Клеопатры представлены красочно, полно, с глубоким авторским анализом, яркими бытовыми подробностями. Любовь к римскому императору Юлию Цезарю — единственная слабость царицы и настоящая сила для непокорного, своенравного правителя мира. Георг Эберс совершил две научные экспедиции в Египет. В его произведениях необходимый художественный вымысел искусно переплетается с историческими фактами, яркой и подробной реконструкцией эпохи. Среди самых известных романов Эберса — «Дочь фараона», «Сестры», «Иисус Навин», «Император», «Номо сум».

© Эберс Г. М.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

От автора	5
I	7
II	13
III	17
IV	30
V	34
VI	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Георг Эберс

КЛЕОПАТРА

От автора

Если бы автору этой книги заметили, что сентиментальная любовь новейшего времени чужда языческой древности, он указал бы на Антония и Клеопатру и завещание сурового римского полководца. В нем последний высказывает желание, чтобы его погребли вместе с телом до конца любимой им женщины. Желание его было исполнено, и любовь этих двух выдающихся людей уже не раз вдохновляла поэтов и художников.

Что касается собственно Клеопатры, то вся ее сущность окружена романтическим, почти сказочным вымыслом. Даже злейшие враги восхищаются ее красотой и редкими дарованиями. Напротив, характер ее представляет собою труднейшую психологическую загадку. Рабский дух римских писателей и поэтов, которым не по сердцу был ореол, окружавший соперницу государства и императора, разрешил эту загадку в неблагоприятном для Клеопатры смысле. Все египетское было ненавистно в глазах римлянина в этой выросшей на берегах Нила женщине, выдавшей у ног своих Цезаря и превратившей Антония в своего слугу, ей не могли простить ее могущества. Историки, в том числе и Плутарх, отнеслись к ней справедливее и не раз высказывались в ее пользу.

Автору хотелось поближе изучить личность несчастной царицы и на основании множества сохранившихся источников создать образ, которому он прежде всего сам мог бы поверить. Годы прошли, пока он достиг этого, теперь же, глядя в созданный уже образ, он боится, что многие его краски покажутся слишком розовыми. Но ему трудно было бы подтвердить документально каждый тон, каждую черту. Если во время работы он полюбил свою героиню, то это случилось потому, что, чем яснее обрисовывалась для него личность этой замечательной женщины, тем более он убеждался, что при всех своих недостатках и слабостях она заслуживает не только сострадания и удивления, но и той преданности, которую умела возбуждать в людях.

Впрочем, не кто иной, как сам Гораций¹, назвал Клеопатру «*pop humilis mulier*» – «женщиной, не способной на низость». Значение этого отзыва станет вполне понятным, если мы вспомним, что он взят из гимна в честь победы Октавиана над Антонием и Клеопатрой.

Со стороны поэта было большой смелостью отозваться с похвалой о сопернице триумфатора в подобном стихотворении. Однако он решился на это, и его слова, равняющиеся в данном случае делу, остаются одним из почетных титулов знаменитой женщины.

К сожалению, отзыв Горация далеко не произвел такого воздействия, как отзыв Диона², который значительно искажает сообщения Плутарха; и вообще более тяготеет к фарсам и рассказам, ходившим среди народа и не отваживавшимся выставлять египтянку в благоприятном свете.

Снисходительнее большинства римских историков оказывается грек Плутарх, который и во времени ближе стоит к нашей героине, чем Дион. Его дед много наслушался о ней от своего соотечественника Филотаса, учившегося в Александрии в дни триумфа Антония и Клеопатры. Из всех писателей, упоминающих о царице, Филотас, пожалуй, самый надежный, но и к его рассказу нельзя относиться с безусловным доверием. При описании событий последних дней

¹ Гораций Флакк Квинт (65 – 8 г.г. до н. э.) – великий римский поэт. Точность и искусство слова, глубина и образность стихов сделали поэзию Горация образцом лирических творений в Европе.

² Дион Кассий (ок. 160–235) – греческий историк и римский сенатор, автор «Римской истории» в 80 книгах.

нашей героини мы руководствовались даже в деталях подробным и ясным сообщением Плутарха. Оно несет на себе печать истины, и значительные отклонения от него были бы слишком произвольными.

Египетские источники не дают, к сожалению, ничего существенного в отношении оценки характера Клеопатры, хотя мы имеем изображения ее одной и вместе с сыном Цезарионом. Недавно был найден в Александрии обломок колоссальной двойной статуи, изображающей, по всей видимости, Антония и Клеопатру. Верхняя часть женской фигуры сохранилась довольно хорошо и представляет собой красивое молодое женское лицо. Мужская фигура пала жертвой приказа Октавиана об уничтожении статуй Антония. Доктору Вальтеру в Александрии мы обязаны прекрасным фотографическим снимком с этой замечательной статуи. Кроме нее сохранилось сравнительно мало изображений (причисляя сюда и монеты), дающих нам понятие о внешности нашей героини.

Романист прежде всего стремится создать произведение искусства, но он ограничен требованиями исторической верности. Как образ нашей героини должен соответствовать ее действительной личности, так и жизнь ее, здесь описанная, должна совпадать во всех деталях с культурой изображаемой эпохи. Поэтому мы показали нашу героиню в окружении многочисленных лиц, что дает возможность изобразить ее личность в самых разнообразных житейских коллизиях.

Если автору удалось воссоздать образ этой замечательной женщины, вызвавшей такие противоречивые суждения, не менее «живо» и правдоподобно, чем она рисуется в его воображении, то он всегда будет с удовольствием вспоминать о времени, потраченном на эту книгу.

Георг Эберс

I

Архитектор Горгий Александрийский привык выносить палящий зной египетского полдня. Хотя ему не исполнилось еще и тридцати лет, но он уже заведовал – сначала как помощник, потом как преемник своего отца – постройкой громадных зданий, воздвигаемых Клеопатрой³ в Александрии.

В настоящую минуту он был завален делами, но тем не менее явился сюда до окончания работы в угоду юноше, едва вышедшему из детского возраста.

Тот, кому он приносил эту жертву, был не кто иной, как Цезарион, сын царицы Клеопатры от Юлия Цезаря⁴. Антоний⁵ почтил его горделивым титулом царя царей, хотя ни царствовать, ни даже управлять ему не пришлось: мать отстраняла его от дел правления, да и сам он не добивался скипетра.

Горгий мог бы пренебречь желанием царевича, так как тот, очевидно, хотел поговорить с ним о своем окружении. Мысли архитектора были заняты другим. Флот Клеопатры и Марка Антония должен был уже встретиться с кораблями Октавиана, да и сражение на суше, вероятно, уже было дано, и судьба Египта решилась.

Горгий верил в победу царицы и Антония и от души желал ее. По-видимому, он даже считал сражение выигранным, поскольку держал в руках программу празднеств в честь победителей, и сегодня же должен был решить, где поставить колоссальную статую, изображавшую Антония рука об руку с его царственной подругой.

Эпитроп Мардион, евнух, замещавший царицу в качестве регента, и хранитель печати Зенон, обычно во всем согласный с Горгием, желали поставить статую не в том месте, которое он наметил. Для того чтобы исполнить желание могущественного регента, пришлось бы захватить частное владение. Могли возникнуть затруднения, и это не нравилось Горгию. С эстетической точки зрения Горгий также не мог одобрить план Мардиона. Поставленная на участке Дидима⁶ статуя оказалась бы у самого моря, чего и хотелось регенту и хранителю печати, но в этом случае у нее не было бы фона.

Как бы то ни было, приглашение Цезариона давало архитектору возможность обозреть Брухейон с верхних ступеней храма Исиды и выбрать место для статуи. Ему очень хотелось найти подходящее место, так как скульптор был его другом и умер вскоре после окончания работы.

Храм, откуда смотрел Горгий, находился в одном из красивейших уголков Брухейона, застроенного дворцами, великолепнейшими храмами, огромными театрами; тут же возвышался форум, где македонские граждане собирались на совет, и обитель ученых Мусейон.

Местность, примыкавшая к храму Исиды с востока, называлась «уголком муз» из-за мраморных статуй перед воротами принадлежащего престарелому почтенному ученому и члену Мусейона Дидиму дома с обширным садом.

Большая часть зданий, находившихся перед ним, была построена во времена Александра Великого и его преемников из дома Птолемеев, но некоторые, и притом отнюдь не худшие, были делом рук его, Горгия, или его отца. Это возбуждало гордость, и сердце художника наполнялось восторгом при виде этой части города.

³ Клеопатра VII (69–30 гг. до н. э.) – последняя царица Египта из династии Птолемеев.

⁴ Цезарь Гай Юлий (102 – 44 гг. до н. э.) – римский диктатор, полководец, фактический монарх.

⁵ Антоний Марк (83–30 гг. до н. э.) – римский полководец, сторонник Цезаря.

⁶ Дидим из Александрии – критик, автор словарей, литературно-исторических и грамматических работ, на которых базируется общая филология. Благодаря множеству научных трудов (их количество колеблется от 3500 до 4000) получил прозвище Халкентер – человек с бронзовыми внутренностями, то есть железным прилежанием.

Он бывал в Риме, видел и другие города, славившиеся своим многолюдием и великолепием, но нигде не доводилось ему видеть такого количества изумительных художественных произведений, сосредоточенных на таком незначительном пространстве, как здесь.

«Если бы кто-нибудь из бессмертных, – думал он, – пожелал воздвигнуть дворец для обитателей Олимпа, достойный их величия и славы, он не мог бы создать лучшего и более соответствующего художественному вкусу, которым они нас одарили. И, конечно, он воздвиг бы его на берегу такого моря».

Оценивая опытным взором художника гармонию форм отдельных храмов и портиков, удачное расположение зданий и памятников, он говорил себе, глубоко вздыхая, что его искусство – лучшее из искусств, а постройки – благороднейшее развлечение царей.

Без сомнения, так же думали властители, стремившиеся в течение трех столетий создать вокруг своих дворцов окружение, которое соответствовало бы их величию и богатству, выражало бы их почтение к богам и любовь к прекрасному. Ни один царский род на земле не мог бы похвалиться более пышным жилищем. Так думал архитектор, любуясь раскинувшейся перед ним картиной, где плоды неистощимой изобретательности и искусства людей представляли в полном блеске на фоне темно-лазурного моря и неба, под яркими лучами солнца.

Ожидание, которое было бы невыносимо для занятого человека в другом месте и в другое время, здесь превращалось в удовольствие. Лучи солнца сверкали ослепительным блеском на белых мраморных колоннах храмов и портиков, играли на полированном граните обелисков и гладких стенах из белого, желтого и зеленого мрамора, сиенита⁷ и темного пятнистого порфира⁸. Казалось, они готовы были растопить пеструю мозаику, одевавшую каждый фут почвы всюду, где не было дороги или деревьев, и бессильно отражались от сверкающего металла и блестящей глазури пестрых черепиц на крышах дворцов и храмов. Здесь они искрились на металлических украшениях, там утопали в сиянии позолоченного купола, придавая ослепительный блеск изумруда зеленой бронзе. Они превращали в коралл и ляпис-лазурь части храмов, окрашенные в красный и голубой цвет, в топаз – их позолоченные украшения. Картины из мозаики на площадях и внутренних стенах колоннад вызначивались особенно рельефно на светлом фоне мраморных масс, которые в свою очередь, чередуясь с картинами, радовали глаз своим разнообразием.

Как усиливались в лучах полуденного солнца пышные краски флагов и вымпелов, развевавшихся над триумфальными арками, над воротами храмов и дворцов, подле обелисков и египетских пилонов! Но даже драгоценная голубая ткань флагов, украшавших дворец детей Клеопатры на Лохиаде⁹, не могла соперничать с лазурью моря, окаймлявшего берег темно-синей рамкой, тогда как дальше темные и светлые зеленые полосы пробегали по голубой поверхности.

Предаваясь созерцанию этой картины, Горгий, однако, не забыл о цели своего прихода сюда.

Нет, сад Дидима – явно не подходящее место для последнего творения его друга.

Еще раз взглянув на высокие платаны, сикоморы и мимозы, окружавшие приют старого ученого, он вдруг услышал шум, доносившийся снизу: народ стремился к дому Дидима, как будто там произошло нечто необычайное.

Что нужно людям от скромного ученого?

⁷ Сиенит – горномагматическая порода зернистого строения, состоящая в основном из полевых шпатов и цветных минералов с включениями кварца. По названию древнеегипетского города Сун (греч. Сиена – совр. Асуан); строительный и декоративный камень.

⁸ Порфир – горная порода с крупными кристаллами силикатов или кварца, вкрапленными в мелкозернистую массу разнообразных пурпурных оттенков. Очень красивый декоративный камень.

⁹ Лохиада – замыкавший с востока Большую гавань мыс, выдававшийся в море в виде длинного пальца, указывавшего прямо на север. На Лохиаде находился построенный Птолемеями дворец. На западном берегу мыса, у самого его основания, располагалась замкнутая бухта, предназначенная для царских кораблей.

Обернувшись, он услышал чей-то веселый голос, окликнувший его снизу.

Странная процессия приближалась к храму. Впереди небольшого отряда вооруженных людей шел невысокий коренастый человек с двойным лавровым венком на большой косматой голове. Он оживленно разговаривал с каким-то молодым человеком. Перед ступенями храма они приостановились и поздоровались с архитектором, который ответил несколькими дружескими словами. Увенчанный лаврами хотел, по-видимому, подняться к Горгию, но спутник остановил его, и тот, после непродолжительного колебания, пожал молодому человеку руку, гордо вскинул голову и, раздуваясь, как павлин, отправился дальше со своей свитой.

Молодой человек, подошедший к Горгию, слегка поморщившись, посмотрел вслед удалявшейся процессии, потом спросил архитектора, о чем он молит богиню.

– О твоём приходе, – весело отвечал тот.

– Ну, значит, Исида к тебе милостива! – И мгновение спустя друзья пожимали друг другу руки.

Они были одинакового сложения и роста, их можно было даже принять за братьев, если бы черты лица архитектора не были грубее и резче, чем у его собеседника, которого он называл Дионом и своим другом.

Когда Дион с насмешкой заговорил о своем увенчанном спутнике, Анаксеноре, знаменитом исполнителе на цитре, которому Антоний подарил доходы с четырех городов и позволил держать стражу, Горгий то вторил ему, то сдерживал благоразумными замечаниями. Этот разговор ясно показал глубокое различие в характерах двух сверстников.

Оба проявляли самоуверенность, несвойственную их возрасту; но самоуверенность Горгия была результатом работы и личных заслуг, тогда как у Диона она проистекала из обеспеченного и независимого положения. Человек, незнакомый с деятельностью Диона в городском совете, где он не раз разрешал дела в известном направлении силой своих тщательно подготовленных речей, принял бы его за беззаботного гуляку, каких немало было в Александрии в эту блестящую эпоху, тогда как в Горгий все, от блеска глаз до грубых кожаных сандалий, говорило о его серьезности и деловитости.

Они стали друзьями с тех пор, как Горгий выстроил Диону новый дворец. Продолжительные деловые отношения сближают людей, если не ограничиваются только предписанием и исполнением. В данном случае заказчик только высказывал желания и давал указания, а художник превратился в искреннего друга, вложившего душу в осуществление того, что лишь смутно рисовалось первому. Таким образом, они сделались мало-помалу необходимы друг другу. Архитектор открыл в богатом молодом щеголе многое, о чем раньше не подозревал, а тот, со своей стороны, был приятно удивлен, найдя в серьезном и степенном художнике хорошего товарища, отнюдь не лишённого слабостей, что, впрочем, только усиливало их дружбу.

После того как дворец, получивший много похвал как одно из лучших украшений столицы, был окончен к удовольствию Диона, дружба молодых людей приняла новый характер, и трудно было бы решить, с чьей стороны она была сильнее.

Исполнитель на цитре остановил Диона с целью услышать от него подтверждение известия о великой победе, будто бы одержанной соединенным флотом Антония и Клеопатры.

В канопском трактире, где он завтракал, эта весть возбудила общую радость, и немало вина было выпито за здоровье победителей и за гибель их коварного соперника.

– Меня теперь считают всеведущим не только олухи вроде Анаксенора, но и многие разумные люди, – говорил Дион. – А почему? Да потому что я племянник хранителя печати Зенона, который сам в отчаянии от того, что ничего не знает, то есть буквально ничего...

– Однако же Зенон – ближайшее лицо к регенту, – заметил Горгий, – так кому же и знать, как не ему, о судьбе флота?

– И ты туда же! – вздохнул его собеседник. – Если бы я так же часто поднимался на крыши и стены зданий, как ты, архитектор, от меня бы не ускользнуло, откуда дует ветер. А

дует он с юга вот уже две недели и задерживает корабли, идущие с севера. Регент ничего не знает, решительно ничего, и дядя, разумеется, тоже. А если бы и знали что-нибудь, так они слишком благоразумны, чтобы делиться со мной своими сведениями.

– Положим, ходят и другие слухи, – задумчиво сказал Горгий. – Если бы я был на месте Мардиона...

– Благодарим олимпийцев, что этого с тобой не случилось, – засмеялся Дион. – У него теперь хлопот по уши. А важная... этот молокосос Антилл вчера брякнул у Барины... Бедняга! Дома ему, наверное, досталось за это.

– Ты намекаешь на его замечание по поводу присутствия Клеопатры на флоте?

– Тсс... – произнес Дион, приложив палец к губам.

Толпа мужчин и женщин поднималась по лестнице. Многие несли цветы и хлебы, у большинства лица были оживлены выражением набожной благодарности. До них тоже дошла весть о победе, и они хотели принести жертву богине, которую Клеопатра, «Новая Исида», почитала более всех других.

Храм ожил. Послышались звуки систр и бормочущие голоса жрецов. Тихий портик небольшого алтаря богини, который здесь, в греческой части города, привлекал мало посетителей в противоположность огромному, всегда переполненному народом храму Исиды в Ракотиде¹⁰, был теперь крайне неудобным местом для беседы людей, приближенных к правителям государства. Замечание Антиллы, девятнадцатилетнего сына Антония, насчет Клеопатры, высказанное им вчера на вечеру у Барины, красивой молодой женщины, в доме которой собирались все знаменитые представители мужского общества Александрии, было тем более неблагоприятно, что совпадало с мнением здравомыслящих людей. Легкомысленный юноша обожал своего отца, но Клеопатра – возлюбленная, а в глазах египтян жена Антония – не была его матерью. Он родился от Фульвии, первой жены Антония, был римлянином в душе и предпочел бы берега Тибра Александрии. К тому же всем было известно – и преданнейшие друзья его отца отнюдь не скрывали этого, – что присутствие царицы в войске мешало Антонию и могло неблагоприятно повлиять на настроение смелого полководца. Все это Антилл высказал с унаследованной от отца неблагоприятной откровенностью, и притом в такой форме, которая могла только содействовать скорейшему распространению его слов.

Собравшиеся в храме Исиды, вероятно, еще не слышали об этой сплетне, но здесь могли оказаться люди, знавшие Цезариона. Поэтому Горгий нашел более удобным подождать его у подножия лестницы. Итак, он спустился со своим другом вниз, с трудом пробираясь сквозь толпы людей, стремившихся в храм и к дому ученого Дидима.

Им хотелось узнать, не распространился ли слух о намерении регента и Зенона отобрать у Дидима сад, чтобы воздвигнуть на его месте статую. Первые же вопросы показали, что об этом действительно уже всем известно. Говорили даже, будто дом ученого будет разрушен и притом в несколько часов. Это возбуждало общее негодование, и только какой-то долговязый детина старался оправдать неблагоприятное решение правителей.

Друзья хорошо знали этого человека. То был сириец Филострат, краснобай и крикун, защищавший худшие предприятия в угоду тому, кто больше заплатит.

– Теперь этот мошенник состоит на службе у моего дяди, – заметил Дион. – Он-то и посоветовал поставить статую в этом месте. Тут у него какие-то тайные цели. И надо же им было подкупить именно Филострата. Может быть, это имеет какое-нибудь отношение к Барине: ведь Филострат был ее мужем, а затем отказался от нее.

– Отказался! – повторил Горгий. – Подходящее выражение! Да, конечно, отказался, но, чтобы побудить его к этому, бедняжке пришлось пожертвовать доброй половиной своего состо-

¹⁰ Ракотиды – второй по значению после Брухейона квартал Александрии.

яния, которое ее отец нажил кистью. Ты знаешь не хуже меня, что жизнь Барины с этим негодием была просто невыносимой.

– Совершенно верно, – равнодушно отвечал Дион. – С тех пор как вся Александрия растаяла от восторга, слушая ее пение на празднике Адониса¹¹, ей не нужен столь жалкий спутник.

– Как ты можешь бросать тень на женщину, которую не далее как вчера называл безупречной, прекрасной, единственной...

– Боюсь, что свет, исходящий от нее, слепит твои глаза. А я-то знаю, как они чувствительны.

– Так пощади же их, а не раздражай. Впрочем, твое предположение имеет некоторое основание. Барина – внучка ученого, у которого хотят отнять сад, и ее бывший муж не прочь устроить эту пакость. Но я расстрою его игру. Мое дело выбрать место для статуи...

– Твое? – перебил Дион. – Да, если кое-кто посильнее тебя не вмешается в это дело. Я бы, пожалуй, отговорил дядю, но тут и кроме него заинтересованы разные лица. Царица сильна, но и приказаниями Иры нельзя пренебрегать, а она говорила мне сегодня утром, что у нее свои соображения насчет места для статуи.

– В таком случае, – воскликнул архитектор, – Филострат явился на сцену по твоей милости!

– По моей? – переспросил Дион с удивлением.

– Конечно, по твоей! Ты сам мне рассказывал, что Ира, подруга твоего детства, в последнее время доняла тебя шпионством, выслеживая каждый твой шаг. Ну а затем... Ты усердный посетитель Барины, которая явно предпочитает тебя всем нам, что легко могло дойти до ушей Иры.

– У Аргуса¹² сотня, у ревности тысяча глаз, – перебил его друг, – а между тем все, что меня привлекает в Барине, это возможность приятно провести час-другой вечером, в свободное время. Все равно. Предположим, что Ира слышала о предпочтении, оказываемом мне Бариной. Ира сама равнодушна ко мне и потому подкупает Филострата. Подкупает для того, чтобы сделать гадость той, что стоит между мной и ею, или старику, имеющему счастье или несчастье быть дедом ее соперницы. Нет, нет! Это было бы слишком, слишком низко! И, поверь мне, если бы Ира хотела погубить Барину, то не стала бы действовать так подло. Притом она не злая. А впрочем, пожалуй... Я ведь знаю о ней только то, что она пользуется любыми средствами, когда нужно чего-нибудь добиться для царицы, а еще, что с ней не соскучишься. Да, Ира, Ира... Мне нравится это имя. А все-таки я ее не люблю, она же любит только себя и еще больше свою госпожу, что немногие могут сказать о себе. Что для нее весь мир? Что значу я в сравнении с царицей, кумиром ее сердца? С тех пор как та уехала, она бродит словно покинутая Ариадна¹³ или лань, отбившаяся от матки. Царица доверяет ей, как сестре, как дочери. Никто не знает, какую, собственно, роль играют во дворце Ира и Хармиона. Называются они служанками, на самом же деле они скорее подруги царицы. Уезжая и оставляя здесь Иру – у нее была лихорадка, – Клеопатра поручила ей надзор за детьми, между прочим, и за такими, у которых уже пробивается борода: за «царем царей» Цезарионом, которого управляющий дворца колотит скипетром за малейшую провинность, и за Антиллом, забравшимся вчера к нашей приятельнице.

– Ведь это сам Антоний, его отец, познакомил их.

¹¹ Адонис – бог плодородия и растительности в древнефиникийской мифологии. С V в. до н. э. культ Адониса распространился в Греции, позднее в Риме.

¹² Аргус – в древнегреческой мифологии многоглазый великан, бдительный страж.

¹³ Ариадна – дочь критского царя Миноса; помогла афинскому герою Тесею выйти из лабиринта, вручив ему клубок ниток, конец которых был закреплен при входе («нить Ариадны»); бежала тайно с Тесеем, обещавшим на ней жениться, но была им оставлена.

– Правда твоя, а Антилл познакомил с ней Цезариона. Это не нравится Ире, как и все, что может огорчить царицу. Так что Барина неприятна ей, во-первых, из-за Клеопатры, во-вторых, быть может, из-за меня. Итак, она устроит старику, деду Барины, каверзу, которую внучка примет близко к сердцу, и по своей избалованности и неосторожности не удержится от какой-нибудь глупости, за которую ее можно будет притянуть к ответу. Вряд ли Ира замышляет что-нибудь против ее жизни, скорее, она рассчитывает на изгнание или на что-то в этом роде.

– Хотя я сам натолкнул тебя на эту мысль, но все-таки не решаюсь заподозрить ее в такой низкой интриге, – недоверчиво заметил Горгий.

– А я разве подозреваю! – воскликнул Дион. – Я переносусь мысленно ко двору и стараюсь понять душу женщины, способной там менять погоду по своему усмотрению. Ты округляешь колонны и обтесываешь балки, чтобы укрепить на них крышу, которой займешься в свое время. Она же и все, кто вертится при дворе, прежде всего строят крышу, а потом уже стараются поднять ее и укрепить. При этом могут оказаться и трупы, загубленные жизни, разбитые сердца. Во всяком случае крыша останется на месте до тех пор, пока главный смотритель построек – Клеопатра – будет находить ее красивой. Остальное... Но я вижу повозку. Это он... Ты хотел... – Тут он остановился, схватил за руку своего собеседника и быстро прошептал: – Ира замешана в этом деле, и не об Антилле, а об этом ханже она хлопочет. Когда мы говорили о статуе, она тут же спросила, видел ли я его третьего дня вечером; а как раз в тот вечер я его встретил у Барины. В нее-то и метит Ира. Чтобы поймать мышь, нужно открыть мышеловку, вот Ира и собирается сделать это своей маленькой ручкой.

– Если только ей не помогает какая-нибудь мужская рука, – прибавил архитектор и обернулся к повозке и к пожилому человеку, направлявшемуся в их сторону.

II

Дион хотел скромно удалиться, когда спутник Цезариона подошел к ним и поздоровался. Но тот удержал его. Это был крупный, широкоплечий мужчина мощного сложения; в его голосе и плавных, размеренных жестах чувствовалось какое-то спокойствие. Ему было около сорока пяти лет, но с виду он казался старше из-за огромной седой головы и в особенности из-за степенных манер.

– Молодой государь, – сказал он глубоким, звучным голосом, указывая на повозку, – хотел бы переговорить с тобой лично, Горгий, но я отсоветовал ему показываться на народе. Он явился сюда в закрытой повозке. Сделай одолжение, подойди и выслушай его, а я побуду здесь. Странные дела творятся!.. Да что это? Или я ошибаюсь? Неужели эта громадина, которую там ташат, статуя царицы и ее друга? Это ты, Горгий, выбрал для нее место?

– Нет, – отвечал архитектор решительно. – Да и распоряжение о перевозке статуи отдано без моего ведома и против моей воли.

– Так я и думал, – заметил его собеседник. – Цезарион хочет поговорить с тобой именно об этой статуе. Если ты можешь помешать ее установке на земле Дидима, тем лучше. Я со своей стороны готов оказать тебе содействие, но в отсутствие царицы мое влияние невелико.

– А о моем и говорить не стоит, – подхватил архитектор. – Кто нынче может предсказать, будет завтра ясно или пасмурно? Скажу одно: я со своей стороны сделаю все, чтобы помешать посягательству на право почтенного гражданина, нарушению законов нашего города и оскорблению хорошего вкуса.

– Скажи это царевичу, только осторожно, – заметил Архибий, видя, что архитектор направляется к повозке.

Когда он остался наедине с Дионом, тот спросил его о причинах суматохи на улице. Он разделял общее уважение всего александрийского общества к Архибию и знал о его отношениях с владельцем сада и его внучкой Бариной, поэтому рассказал ему вполне откровенно о своих опасениях.

– Ира – твоя племянница, – прибавил он, – но ведь ты знаешь, у нее очень тонкий расчет: подбросить неосторожному человеку золотое яблоко под ноги, а когда тот его поднимет, обвинить простака в воровстве.

Заметив вопросительный взгляд Архибия при этом сравнении, он продолжал более серьезным тоном:

– Зевс велик, но и над ним властвует судьба! Мой дядя Зенон пользуется большим влиянием при дворе, но когда Ира и твоя сестра Хармиона, которая, к несчастью, уехала с царицей, вздумают сделать что-нибудь по-своему, он живо уступает, так же как и регент Мардион. Чем пленительнее Клеопатра, тем больше дорожат местами при ней, и уж во всяком случае гораздо больше, чем такими безделицами, как закон и право.

– Твой отзыв чересчур резок, – перебил Архибий, – и мне горько его слышать, так как в нем много правды. Наш двор разделяет участь всех восточных дворов, и тот, кому в былое время Рим подавал пример уважения к святости закона и права...

– Может отправиться туда, – подхватил Дион, – и посмотреть, как там попирают и то и другое. Здешние и тамошние правители могут усмехаться, как авгуры¹⁴, глядя друг на друга. Это одного поля ягоды!..

– С той разницей, что у нас во главе государства стоит сама красота и прелесть, а в Риме – нечто совершенно противоположное: дикая грубость, жестокое высокомерие или отвратительная подлость.

¹⁴ Авгуры – в Древнем Риме коллегия жрецов, толковавших волю богов.

Тут он остановился и указал на шумную толпу, приближавшуюся к ним. Но Дион ответил ему:

– Ты прав, мы продолжим этот разговор в доме прекрасной Барины. Только я редко встречаю тебя у нее, а между тем ты хорошо знал ее отца, да и у нее всегда можно услышать что-нибудь интересное. Мы с ней друзья. В моем возрасте эти слова можно понять в смысле «любовники». Но в данном случае ничего подобного нет. Ты мне поверишь, надеюсь, ты сам можешь назваться другом обольстительнейшей из женщин.

Горькая улыбка мелькнула на суровом лице Архибия; он сделал движение рукой, точно отмахиваясь, и сказал:

– Я вырос вместе с Клеопатрой, но простой смертный может любить царицу только как божество. Я охотно верю в твою дружбу с Бариной, но считаю ее опасной.

– Если ты хочешь сказать, – возразил Дион, всем своим видом желая показать, что не нуждается в предостережениях своего собеседника, – что она может навредить этой оборотливой женщине, то, пожалуй, ты прав. Но прошу тебя, не придавай моим словам другой смысл. Я не так тщеславен, чтобы воображать, будто могу нанести чувствительный удар ее сердцу. Беда в том, что многие не могут простить Барине ее обаяния, которое испытываю и я, и все мы. Понятно, если много мужчин посещает ее дом, то найдется много женщин, которые были бы рады закрыть его двери. К их числу принадлежит Ира. Она злится на мою подругу, и я даже боюсь, что вся эта история и есть то самое яблоко, подброшенное для того, чтобы если не погубить, то по крайней мере удалить Барину из города, прежде чем царица – да пошлют ей боги победу! – вернется. Ты знаешь Иру: она же твоя племянница. Как и сестра твоя Хармиона, она не остановится ни перед чем, если нужно избавить Клеопатру от неприятности или огорчения, а царице вряд ли будет приятно узнать, что оба мальчика, Антилл и Цезарион, судьбу которых она принимает так близко к сердцу, посещают Барину, как бы ни была безупречна ее репутация.

– Я слышал об этом, – сказал Архибий, – и меня это тоже беспокоит. Сын Антония унаследовал от отца ненасытную жажду наслаждений. Но Цезарион! Он еще не расстался с детскими грезами. Что другие едва замечают, его задевает за живое. Боюсь, что Эрос¹⁵ точит для него опасные стрелы. Разговаривая с ним в последний раз, я нашел, что он сильно изменился. Глаза его сверкали, как у пьяного, когда он говорил о Барине. Боюсь, боюсь...

– Вот оно что! – воскликнул Дион с изумлением, почти с испугом. – Ну если так, то Ира не совсем не права, и нам нужно иначе повернуть это дело. Прежде всего не следует упоминать о том, что Цезарион вмешался в историю с Дидимом. Никто не удивится, что мы желаем сохранить за стариком его собственность; я беру это на себя и постараюсь уговорить Филострата, – посмотри, как этот шут усердствует на службе у Иры. Что касается Барины, то хорошо бы убедить ее добровольно уехать из Александрии, если уж ее положение так щекотливо. Возьми-ка это на себя. Если я вздумаю предложить ей уехать, я, который не далее как вчера... Нет, нет! Она и без того слышала, что Ира и я... Бог знает, что ей причудится. Ты знаешь, что такое ревность! Тебя же она послушается и уедет куда-нибудь недалеко. Если сердце мечтательного мальчика не на шутку затронуто, это может привести к самым печальным последствиям. Мы должны обезопасить Барину от него. В мое имение у Себеннита она не может уехать. Найдутся злые языки, пойдут сплетни! Твоя канопская вилла слишком близко отсюда, но у тебя есть, если не ошибаюсь...

– Мое имение на морском берегу достаточно далеко и может служить ей приютом, – кивнул Архибий. – Дом всегда готов на случай моего приезда. Хорошо, я попытаюсь уговорить ее; твой совет разумен. Надо ее удалить с глаз Цезариона!

¹⁵ Эрос – в греческой мифологии бог любви, то же, что в римской – Амур.

– А я, – продолжал Дион, – зайду завтра утром узнать о результатах твоей попытки, или даже сегодня вечером. В случае успеха я скажу Ире, что Барина уехала в Верхний Египет лечиться молоком. Ира благоразумна и рада будет прекратить эти дрызги в такую минуту, когда решается судьба Клеопатры и мира.

– Я тоже постоянно переносюсь в мыслях к войску, – сказал Архивий. – Как все ничтожно в сравнении с решением, которое мы ожидаем на днях. Но жизнь слагается из мелочей. Они нас кормят, поят и согревают! Если Клеопатра вернется победительницей и узнает, что Цезарион на ложном пути...

– Надо ему преградить этот путь! – воскликнул Дион.

– Ты боишься, что он последует за Бариной? – спросил Архивий и слегка покачал головой. – Я думаю, что этого нам нечего опасаться. Он, конечно, был бы не прочь, но между желанием и исполнением у него огромное расстояние. Вот Антилл... ну, этот другого закала! Антилл способен отправиться за ней верхом или на лодке хоть до Водопадов, так что нам придется держать в строжайшем секрете место добровольного изгнания Барины.

– Вот только уедет ли она, – сказал Дион с легким вздохом. – Она точно цепями прикована к этому городу.

– Знаю, – подтвердил Архивий, но тут Дион указал на повозку и быстро проговорил: – Горгий зовет тебя. Пстой, сделай же все, что можешь, чтобы уговорить Барину. Ей угрожает серьезная опасность. Не скрывай от нее ничего и скажи ей, что друзья не долго оставят ее в одиночестве.

Архивий молча погрозил юноше и направился вместе с ним к повозке.

Правильное, но бледное лицо Цезариона, как две капли воды напоминавшее черты его отца – великого Цезаря, смотрело на них из окна. Когда они приблизились, Цезарион приветствовал их легким наклоном головы и благосклонным взглядом. Минуту назад, когда он увидел старого друга, этот взгляд оживился юношеским блеском, но перед посторонним он желал казаться царем, хотел дать почувствовать свое высокое положение, тем более что недолюбливал Диона. Он знал, что тот пользуется предпочтением женщины, которую Цезарион любил – так по крайней мере, ему казалось – и обладание которой было предсказано тайной египетской мудростью.

Благодаря Антиллу, сыну Антония, он познакомился с Бариной и был ею принят с почтением, подобающим его сану. Но юношеская робость до сих пор мешала признаться в любви этой женщине, окруженной зрелыми и выдающимися людьми. Только выразительные, с влажным блеском глаза слишком ясно говорили о его чувствах. И они не остались незамеченными. Недавно какая-то египтянка остановила его подле храма Цезаря, куда он отправлялся ежедневно молиться, приносить жертвы, орошать маслом камень алтаря, согласно установленному порядку, определявшему каждый шаг его жизни.

Он тотчас узнал рабыню, которую видел в атриуме Барины, и приказал свите отойти в сторону.

К счастью, управляющий царского дворца Родон на этот раз не счел нужным сопровождать его. Это придало ему смелости. Цезарион последовал за рабыней и увидел в тени мимоз, окружавших храм, носилки Барины. С бьющимся сердцем, полный трепетного ожидания, он подошел к ним, повинаясь ее знаку. Правда, его удостоили только одной милости: исполнить ее желание. Но все же сердце готово было разорваться, когда, опершись своей белой ручкой на дверцу носилок, Барина объясняла ему, что он замешан в деле о конфискации сада ее деда Дидима и что ему, «царю царей», следует воспрепятствовать такой несправедливости.

Трудно было уловить смысл ее речи, слова отдавались в его ушах, точно он стоял не в тихой рощице подле храма, а на утесе Лохиады в бурную погоду, среди шумящего прибоя. Цезарион не осмелился поднять глаза и взглянуть ей в лицо. Только после того как она спро-

сила, можно ли рассчитывать на его помощь, их взгляды встретились. Чего только не прочел он в голубых молящих глазах, – и какой несказанно прекрасной она показалась ему.

Как одурманенный, стоял он перед ней и помнил только, что, приложив руку к сердцу, обещал сделать все, чтобы избавить ее от печали. Тогда маленькая ручка со сверкающими кольцами еще раз потянулась к нему, и на этот раз он решился поцеловать ее, но пока оглядывался на свиту, Барина успела сделать знак рабам и носилки тронулись прочь.

И вот он стоял – как человек на старинной вазе его матери, с отчаянием смотрящий вслед улетающему счастью, – проклиная несчастную нерешительность, причинившую ему столько зла. Но не все еще потеряно. Если ему удастся исполнить ее желание, заслужить ее благодарность, то тогда...

Цезарион стал думать, к кому бы обратиться. К регенту Мардиону или хранителю печати? Нет! Они-то ведь и решили поставить статую в саду Дидима. К Ире, поверенной в тайнах его матери? Ни в коем случае! Хитрая девушка выведает от него все и перескажет регенту. Вот если бы Хармиона была здесь... но она отправилась с флотом, который теперь, быть может, уже вступил в сражение.

При воспоминании об этом он опустил глаза, так как ему не позволили занять подобающее место в войске, тогда как мать и Хармиона... Но Цезарион недолго предавался этим тягостным мыслям: в нем проснулись угрызения совести, от которых кровь прихлынула к его лицу... Он считает себя мужем, а между тем в такое время, в такие дни, когда решается судьба его матери, его родного города, Египта и Рима – того самого Рима, который он, единственный сын Цезаря, привык считать своим наследием, – в такие дни он думает только о красавице, проводит бессонные ночи, мечтая овладеть ею и забывая о том, что должно было бы всецело владеть его мыслями.

Не далее как вчера Ира резко заметила ему, что в такие дни каждый друг царицы, каждый враг ее врагов должен быть при войске, по крайней мере в своих помыслах.

Он подумал об этих словах, но это воспоминание только напомнило ему о дяде Иры, Архибии, который имел большое влияние не только из-за своего богатства, но и благодаря всем известной дружбе с Клеопатрой. К тому же этот мудрый, здравомыслящий человек всегда хорошо относился к Цезариону. Поэтому последний решил обратиться к нему и к архитектору Горгию, с которым познакомился при перестройке дворца на Лохиаде, причем архитектор произвел на него очень хорошее впечатление.

Решившись на это, он немедленно отправил человека из свиты к Горгию с табличками, в которых приглашал его явиться для переговоров к храму Исиды.

Около полудня Цезарион тайно отправился в лодке в небольшой дворец Архибия на берегу моря; а теперь, когда Архибий и Горгий стояли перед ним, объявил, что сам отправится к Дидиму с архитектором и защитит ученого от несправедливости.

Это было во всех отношениях неудобно, и Архибию пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы отговорить царевича. Народ может узнать его в то время, как он выступит против регента, а это навлечет на него самые серьезные неприятности. Но уступить и покориться было на этот раз особенно тяжело для юного «царя царей». Ему так хотелось казаться мужчиной перед Дионом! Наконец, убедившись, что это невозможно, он постарался соблюсти хоть внешний вид достоинства, заявив, что уступает настояниям Архибия только из опасения навлечь неприятности на старого ученого и его внучку. Затем он еще раз просил архитектора сделать все, что возможно, для Дидима. Когда наконец он удалился вместе с Архибием, начинало уже смеркаться и перед храмом и небольшим мавзолеем, примыкавшим к целле¹⁶, зажглись факелы, а на площади сковороды с варом.

¹⁶ Целла – святилище античного храма, где находилось скульптурное изображение божества.

III

– Дело-то плохо, – сказал архитектор, глядя вслед удаляющейся повозке и покачивая головой.

– Да и там, внизу, не лучше, – прибавил Дион, – Филострат, кажется, убедил толпу...

– Неужели, – воскликнул архитектор, – Барина была женой, почти служанкой этого негодяя! Как могло такое случиться...

– Она была почти ребенком, когда их обвенчали, – перебил Дион. – Разве у нас спрашивают о желании пятнадцатилетней девушки, когда выбирают ей супруга? А Филострат – мы с ним вместе учились в Родосе – подавал тогда большие надежды. Его брат Алексас, любимец Антония, мог оказать ему покровительство. Отец Барины умер, мать привыкла слушаться Дидима во всем, что касалось его внуки, и ловкий сириец сумел пустить пыль в глаза старику. Ведь он и теперь выглядит недурно. Как оратор он имел успех. Это вскружило ему голову и заставило пуститься во все тяжкие. Чтобы купить красавице-невесте хорошую обстановку, он взялся за нечистое дело взяточника Пирра и выиграл его.

– Он подкупил дюжину лжесвидетелей.

– Целых шестнадцать. За ними последовали многие другие. Однако пора его уговорить. Ты ступай в дом и успокой старика и Барину, если она там. Если встретишь посланника от регента, скажи ему о незаконности этого неслыханного решения. Ты ведь знаешь законы, на которые можно сослаться в пользу старика.

– Со времени Эвергета II¹⁷ зарегистрированные земельные участки являются неприкосновенными, а участок Дидима был зарегистрирован.

– Тем лучше. Да намекни послу, что, насколько тебе известно, регент может изменить свое решение.

– Я же сошлюсь на свое право выбирать место для статуи. Сама царица приказала учитывать мое мнение в этом вопросе.

– Это самое главное. Тогда до свидания. К Барине лучше не ходи сегодня вечером. Если увидишь ее, скажи, что Архивий собирался ее навестить; я после скажу тебе зачем. Потом я отправлюсь к Ире и попытаюсь уговорить ее. О желании Цезариона лучше не упоминать.

С этими словами Дион пожал архитектору руку и направился к толпе, окружавшей высокий пьедестал на полозьях, на котором привезли тщательно закутанную статую.

Ворота в доме ученого были открыты, так как посланник регента действительно явился к нему некоторое время тому назад. Скифская стража, присланная приятелем Барины, экзегетом¹⁸ Деметрием, удерживала наплыв любопытных.

Архитектор был знаком с начальником стражи и скоро стоял возле имплювия¹⁹, посреди которого бил небольшой фонтан, орошавший влажной моросью круглую клумбу с цветами. Старик-невольник только что зажег лампы на высоких подставках.

Когда архитектор вошел в дом, там уже собрались чиновники, писцы, понятия – всего человек двадцать с казначеем Аполлоном во главе.

Раб, проводивший Горгия, сообщил ему об этом.

¹⁷ Имеется в виду Птолемей VIII Эвергет II.

¹⁸ Экзегет – толкователь, проводник, возможно, инспектор или хранитель одного из отделений Мусейона.

¹⁹ Имплювий – прямоугольный неглубокий водосток – бассейн в центре атрия (закрытого внутреннего двора, располагающегося в центре жилого дома). В кровле над имплювием находился комплювий – прямоугольный проем, через который в бассейн стекала дождевая вода.

В атриуме²⁰ его остановила девушка, принадлежавшая, по-видимому, к семье ученого. Он не ошибся, подумав, что это Елена, младшая внучка Дидима, о которой говорила ему Барина. Правда, она была не похожа на сестру. Вместо светлых кудрей Барины головку девушки обвивала густая гладкая, черная как смоль коса. В особенности поразил архитектора глубокий, низкий голос, выдававший внутреннее волнение, когда она обратилась к нему с вопросом, в котором слышался легкий упрек:

– Еще какое-нибудь требование?

Он прежде всего удостоверился, что говорит действительно с Еленой, сестрой его приятельницы, а затем сообщил ей, кто он и зачем явился.

Первое впечатление, которое она произвела на него, не было благоприятным. Легкая складка на лбу, показавшемся ему слишком высоким для женщины, обнаруживала недружелюбное настроение, а красивый рот обличал страстный характер и придавал ее безукоризненно правильному лицу строгое, даже жесткое выражение. Но услышав, что он пришел защитить ее деда, она глубоко вздохнула и, приложив руку к груди, воскликнула:

– О, сделай все, чтобы помешать этому ужасному решению. Никто не знает, как дорожит старик этим домом! А бабушка! Они умрут, если у них отнимут его!

Ее большие глаза глядели на него с жаркой мольбой, а в глубоком голосе звучала искренняя любовь к семье.

Архитектор должен был помочь им и от всей души желал этого. Он сказал ей об этом, и она отнеслась к нему как к помощнику в трудную минуту и с трогательным чистосердечием просила его сказать деду, за которым собиралась сходить, что не все еще потеряно.

Архитектор с удивлением спросил, неужели Дидим еще ничего не знает.

– Он работает в беседке у моря, – быстро отвечала она. – Аполлоний – добрый человек и согласился подождать, пока я подготовлю деда. Но мне следует поспешить. Дед уже раз десять присылал сюда Филотаса, своего ученика, узнать, что здесь за шум; но я велела ему сказать, что народ стремится в гавань узнать новости о царице. Тут не раз поднимались крики, но дед ни на что не обращает внимания, когда сидит за работой, а Филотас – молодой ученик из Амфиссы²¹ – любит его и слушается меня. Бабушка тоже ничего не знает. Она глуха, а рабыням запрещено рассказывать, что происходит. Внезапный испуг может повредить ей, так сказал доктор. Только бы мне не слишком огорчить деда!

– Хочешь, я провожу тебя? – дружески спросил архитектор.

– Нет, – отвечала она. – Он не сразу поверит чужому человеку. Только когда Аполлоний сообщит ему обо всем, постарайся утешить, если увидишь, что он будет очень огорчен, и скажи, что есть друзья, которые заступятся за него.

Тут она благодарно кивнула ему головой и поспешно направилась в сад через боковую дверь.

Архитектор смотрел ей вслед, тяжело дыша, с блестящими глазами. Как добра эта девушка, как заботится о своей семье! Как разумно поступает это юное существо! Он видел ее при недостаточном освещении, но она должна быть очень хороша собой. Во всяком случае у нее прекрасные глаза, губы и волосы. Сердце его забилось быстрее, и он спросил себя, не лучше ли эта девушка, одаренная всем, что составляет истинное достоинство женщины, своей сестры Барины, хотя та, бесспорно, привлекательнее? Хорошо, что его подбородок и щеки были закрыты бородой, потому что Горгий, зрелый, степенный муж, покраснел при этой мысли. И знал почему. Всего полчаса тому назад он думал и говорил Диону, что считает Барину

²⁰ Атриум (точнее атрий), в который выходили двери почти всех помещений первого этажа, обычно использовался как гостиная.

²¹ Амфисса – город в Средней Греции.

обворожительнейшей из всех женщин, а теперь новый образ оттеснил прежний и наполнил его новым, быть может, сильнеешим чувством.

Это случилось с ним не в первый раз, и его друзья, в том числе и Дион, подметили эту слабость и отравили ему немало веселых часов своими насмешками. Немало белокурых и смуглых, высоких и маленьких красавиц воспаляли его сердце, и всякий раз ему казалось, что именно ту, которой подарил свою быстро вспыхнувшую привязанность, он должен назвать своей, чтобы стать счастливым. Но, прежде чем доходило дело до чего-нибудь решительного, возникал вопрос, не нравится ли ему еще больше другая. В конце концов она начал думать, что его сердце не может принадлежать какой-нибудь одной женщине, а только всему слабому полу, поскольку он молод и прекрасен. Правда, он чувствовал себя способным сохранить верность, так как отличался постоянством и готовностью на всякие жертвы в отношениях к друзьям, но с женщинами дело обстояло иначе. Неужели и образ Елены, показавшийся ему таким необыкновенным, скоро побледнеет? Это было бы удивительно, а все-таки он был уверен, что на этот раз Эрос ранил его не на шутку.

Все это с быстротой молнии промелькнуло в его голове и взволновало его сердце, пока он проходил в импловиум, где чиновники с нетерпением ожидали владельца дома. Горгий с обычной прямоотой и решительностью объяснил им, почему он надеется, что их поручение останется неисполненным, а казначей уверил его, что будет очень рад, если регент отменит свое распоряжение. Он охотно подождет, пока внучка сообщит старику-ученому о грозящей ему несправедливости.

Впрочем, терпение его недолго подвергалось испытанию, потому что старик был предупрежден прежде, чем Елена успела дойти до его домика. Философ Евфранор, престарелый член Мусейона, пробрался к нему в сад и рассказал обо всем, не обратив внимания на предостерегающие жесты и взгляды Филотаса. Но Дидим знал своего коллегу, который, ведя такую же отшельническую жизнь, посвящал остаток своих дней и сил науке. Поэтому он только недоверчиво покачал головой и сердито воскликнул, как будто дело шло о самом незначительном происшествии: «Ну, что там еще! Посмотрим!»

С этими словами он встал и хотел выйти из комнаты, забыв даже о сандалиях, стоявших на ковре, и верхней одежде, висевшей на полке с книгами, – до такой степени, несмотря на кажущееся спокойствие, был он взволнован неожиданным известием. Но его друг, молча следивший за ним, остановил его. В эту минуту вошла Елена.

Старый философ, смущенный недоверием своего друга, обратился к ней с просьбой убедить деда, что случаются иногда вещи, противоречащие нашим желаниям. Она осторожно сообщила ему обо всем, прибавив, что надеется на помощь архитектора.

Дидим опустил голову, потом выпрямился и, не обращая внимания на плащ, который Елена держала наготове, отворил дверь и вышел со словами: «Нет, этого не будет».

Евфранор и внучка последовали за ним; он же сгорбившись, но быстрыми и твердыми шагами прошел через сад и, не реагируя на вопросы своих спутников, вошел в импловиум. Яркий свет ослепил его, и он не сразу освоился в толпе присутствующих. Казначей подошел к нему, поздоровался очень почтительно и сказал, что ему неприятно отрывать ученого от работы, которую с нетерпением ожидает научный мир, но этого требуют важные обстоятельства.

– Слышал, слышал, – перебил старик с усмешкой. – В чем же, собственно, дело?

При этом он обвел глазами присутствующих. Дидим не знал никого из них, кроме казначея, с которым имел дела по счетам Мусейона, и архитектора, для которого сочинил надпись к новому Одеону²². При виде незнакомых лиц уверенность, не покидавшая его до сих пор, поколебалась.

²² Одеон – круглое в плане крытое здание для выступления певцов, концертный зал.

– Правда ли, что мой сад собираются превратить в публичную площадь? И для чего? Для того, чтобы поставить на его месте статую. Но об этом и речи быть не может, мой участок занесен в кадастр, а закон...

– Извини, что я тебя перебую, – возразил казначей. – Нам известны постановления, на которые ты ссылаешься, но здесь дело идет об исключительном случае. Регент ничего не отнимет у тебя. Напротив, он предлагает тебе от имени царицы вознаграждение, – размеры его ты сам определишь, – за участок земли, который будет почтен статуей высочайших представителей нашей вселенной Клеопатры и Антония. Ее уже привезли сюда. Это произведение превосходного скульптора, слишком рано умершего Лизандра, без сомнения, может только украсить твое жилище. Домик на берегу моря, к сожалению, придется снести завтра же, так как царица может вернуться каждый день с победой, если бессмертные справедливы. Статуя, воздвигнутая в ее честь, должна встретить ее при самом въезде, вот почему регент послал меня к тебе объявить его желание, которое вместе с тем есть желание царицы...

– Впрочем, – перебил его архитектор, к которому внучка старика только что обратилась с новой мольбой о помощи, – твои друзья все-таки постараются убедить регента выбрать для статуи другое место.

– Это их дело, – заметил казначей. – Что случится в будущем – нам не известно. Моя же обязанность просить достойного владельца этого дома и сада подчиниться приказу царицы, который я передаю в форме просьбы, согласно желанию регента.

Старик молча выслушал эту речь, устремив пристальный взгляд на казначея: итак, это правда. У него действительно хотят отнять его сад, его домик – приют для его работы и размышлений в течение полувека – ради какой-то статуи.

Убедившись в этом, он потупил взор, точно забыл обо всем, что его окружает. Невыносимая скорбь сковала ему язык.

Снаружи доносились крики и гул толпы, но старик, по-видимому, не слышал их и не замечал своей внучки. Однако, почувствовав ее прикосновение, он поднял голову и обвел взглядом присутствующих.

В тусклых глазах старого комментатора и энциклопедиста горел теперь огонь юношеской страсти, он смотрел как боец, готовый вступить за правое дело. Дряхлый застенчивый старец превратился в опасного соперника. Его губы и тонкие ноздри сжались, и, когда казначей, повысив голос, сказал, что ему следует сегодня же вынести вещи из домика в сад, так как завтра утром его снесут, Дидим поднял руку и воскликнул:

– Этого не будет! Я не вынесу ни единого свитка. Завтра утром, как и всегда, вы найдете меня за работой и, если решитесь отнять у меня мою собственность, вам придется употребить силу.

– Полно, достойный муж, – перебил его казначей. – Всем в подлунном мире приходится подчиняться высшей воле; над богами властвует судьба, над смертными – цари. Ты мудр и понимаешь, что я только исполняю свою обязанность! Но я знаю жизнь и, если позволишь, посоветую тебе подчиниться неизбежному. Ручаюсь, что ты не останешься в убытке, что царица даст тебе вознаграждение...

– Которого, – с горечью подхватил Дидим, – хватит, чтобы построить дворец на месте этого домика. Но, – вспыхнул он снова, – мне не нужны ваши деньги! Я не хочу уступать свое законом утвержденное право! За него я стою, и тот, кто осмелится посягнуть на мою собственность, которой владели мой отец и дед...

Тут он умолк, потому что на улице послышались восторженные крики; когда же они затихли и упрямый старик хотел продолжать свою речь, его перебил звонкий женский голос, обратившийся к нему с греческим приветствием «Радуйся!» и звучавший так весело и приветливо, что тяжелое смущение, одевшее точно облаком лица присутствующих, почти рассеялось.

Пока одни прислушивались к гулу возбужденной толпы, а другие смотрели на старика, упорство которого вряд ли можно было преодолеть, молодежь уставилась на прекрасную женщину, только что вошедшую в комнату. Быстрая ходьба разгладила ее щеки, обворожительное личико весело и приветливо глядело на сестру, деда и архитектора из-под голубого шарфа, обвивавшего белокурую головку.

Казначей и многим его спутникам показалось, будто само счастье посетило этот печальный дом, и у многих лица прояснились, когда старик совершенно другим тоном, чем прежде, воскликнул: «Ты здесь, Барина?», а она, не обращая внимания на присутствующих, нежно расцеловала его в обе щеки.

Елена, архитектор и Евфранор подошли к ней, и последний с ласковым упреком спросил: – Сумасшедшая, как ты пробралась сюда сквозь эту ревущую толпу?

Она весело отвечала:

– Один ученый, член Мусейона, встречает меня вопросом, здесь ли я, хотя по милости дружелюбной или – как ты думаешь на этот счет, дед? – враждебной судьбы я с детства была довольно заметной, другой укоряет за то, что я пробралась сквозь толпу, точно можно остановиться перед чем-либо, когда нужно помочь друзьям, которым приходится плохо. Но какой ужасный шум!

Она поднесла свои маленькие ручки к ушкам, прикрытым шарфом, и заговорила не прежде, чем шум утих, хотя и уверяла, что спешит и зашла только узнать, как дела.

Сестра и архитектор едва успевали отвечать на ее торопливые вопросы. Когда же она узнала, зачем явились сюда посторонние, то поблагодарила казначея и поспешила уверить его, что старые друзья ее деда постараются отвести от него эту напасть.

На настойчивые вопросы обоих стариков, как она добралась сюда, Барина отвечала:

– Вы, может быть, не поверите, так как я ни на минуту не умолкаю, но я поступила, как бессловесная рыба, и приплыла сюда по воде.

Затем она отвела деда в сторону и шепотом сообщила ему, что Архивий встретился с ней в гавани, когда она собиралась сесть в лодку, и обещал зайти к ней вечером по важному делу. Ей нужно переговорить с глазу на глаз с этим почтенным человеком и потому она не может остаться. Затем она поинтересовалась, почему так шумит народ.

Архитектор отвечал, что Филострат старается убедить толпу, будто единственное подходящее место для статуи – сад Дидима, и прибавил, что знает, по чьему наущению тот действует.

– Во всяком случае не по наущению регента, – заверил казначей.

Барина, веселое личико которой слегка затуманилось при упоминании имени оратора, ответила ему легким кивком и шепнула, что берется переговорить со стариком, лишь бы ему дали время одуматься.

Завтра утром чиновники смогут исполнить свою обязанность, если регент не откажется от своего намерения. Она между тем постарается уговорить деда, хотя он и не из податливых. Казначей же со своей стороны может напомнить регенту, что в такое время следует избегать открытых столкновений и следовало бы уважить возраст и права Дидима.

Пока Аполлоний разговаривал со своими спутниками, Барина подозвала архитектора и простилась с родными. Ей, сказала она, не угрожает никакая опасность, тем более что и на этот раз она исчезнет беззвучно, как рыба, но прежде пустит в ход язык и поговорит с таким человеком, который давно бы уже защитил Дидима, если бы царица была здесь.

Все это время глаза и уши всех присутствующих были обращены к ней. Всем хотелось любоваться и слушать ее.

Лишь после ее ухода чиновники удалились со своей свитой, чтобы еще раз переговорить с регентом по поводу этого малоприятного дела.

На этот раз Горгий неохотно следовал за молодой женщиной. Не далее как час тому назад он почел бы за счастье сопровождать и охранять Барину, теперь же ему хотелось остаться с

ее сестрой, которая так благодарно и вместе с тем так скромно ответила на его прощальные слова. Но и для самых непостоянных людей заменить старую привязанность новой все же не так легко, как черные фигуры на шахматной доске сменить на белые, так что ему и теперь было очень приятно находиться рядом с Бариной. Только мысль, что Елена может предположить, будто он находится в близких отношениях с ее сестрой, несколько смутила архитектора.

В саду Барина попросила помочь ей взобраться по узкой лесенке на плоскую кровлю домика привратника. Отсюда они могли видеть все, что происходило на площади, оставаясь незамеченными, так как вокруг домика росли густые лавры. Перед обоими храмами пылали сосуды со смолой, бросавшие на площадь яркий свет, который еще усиливался благодаря факелам в руках скифской стражи. Но все равно в толпе нельзя было разобрать отдельных фигур. Только мраморные стены храмов, статуи перед домом Дидима, гермы²³ по сторонам улицы, ведущей от северной части «уголка муз» к морскому берегу, выступали из темноты, сверкая при свете пылавшей смолы, а дым от факелов заволакивал небо, скрывая блеск звезд. Из людей, столпившихся на площади, ясно видны были только Дион, стоявший у подножия закутанной статуи, и Филострат, взобравшийся на одного из дельфинов, окружавших источник между храмом Исиды и улицей. Их разделяло пространство шагов в десять, позволявшее слышать друг друга. И на них-то было обращено всеобщее внимание. Подобные ораторские состязания составляли одно из любимых развлечений александрийцев, которые встречали каждый удачный оборот одобрительными восклицаниями, а каждое почему-либо не понравившееся им слово криком, свистками и шиканьем.

Барина могла видеть и слышать все, что происходило перед ней. Раздвинув скрывавшие ее ветви, она прислушалась к спору.

Когда негодяй, которого она когда-то называла своим мужем, а теперь презирала так глубоко, что не могла даже ненавидеть, задел ее родных, сказав, что они из поколения в поколение кормятся за счет Мусейона, она закусила губы. Но вскоре ее рот слегка искривился гримасой, как будто ей противно было слушать; в эту минуту Филострат обратился к Диону, обвиняя его в том, что тот хочет помешать регенту увековечить славу великой царицы и обрадовать ее благородное сердце.

– Мой язык, – воскликнул он, – орудие, которое меня кормит! Ради чего я, усталый и изможденный, обращаюсь к вам с речью? Ради нашей великой царицы Клеопатры и ее великодушного друга, которому каждый из нас обязан каким-нибудь благодеянием. Кто любит ее и божественного Антония, нового Геркулеса и Диониса, – скоро они вернуться к нам с победным венком! – тот не задумается вместе с регентом и со всеми благородными людьми отобрать жалкий клочок земли у старого скряги, который держится за него так упрямо и с умыслом!.. Слышите ли, с умыслом! А каким – не стану говорить: это слишком отвратительно, да я и не доносчик. Если же кто стоит за старого пачкуна, извергающего книги, как этот дельфин воду, – пусть себе, я ему не позавидую. Но пусть он сначала посмотрит на союзника Дидима. Вон он стоит передо мной. Лучше бы было, если бы он превратился в камень, а дельфин у его ног – в живое существо. Тогда, по крайней мере, ему можно было бы остаться в тени! Ну а теперь я должен вытащить его оттуда, я должен показать вам Диона, сограждане, хотя мне приятнее было бы говорить о вещах, которые менее возбуждают желчь! Тусклый свет не позволяет вам различить цвет его плаща, но я видел его днем. Это гиацинтовый пурпур! Вы знаете, сколько стоит такая мантия. Любой из вас мог бы десять лет прокормить на нее жену и детей! «Должно быть, много в мошне у господина, который решается подставлять такое сокровище дождю и ветру!» – подумает каждый, глядя, как он щеголяет, точно павлин. Да, у него в мошне много талантов! Нехорошо только, что почти каждый из вас должен отнимать хлеб у своей семьи, поток вина у себя самого, чтобы наряжать таких господ! Его отец, Эвмен, был сборщиком

²³ Герма – четырехгранный столб со скульптурным завершением, вид декоративной и парковой скульптуры.

податей, и вот на те деньги, которые этот кровопийца вытянул у вас и ваших детей, его сынок рядится в пурпур и разъезжает в колеснице четверней, забрызгивая вас грязью! Как вам это понравится? Много ли он весит, этот молодчик, но ему, извольте видеть, необходима четверня, чтобы разъезжать по улицам. А знаете ли почему? Я вам скажу. Потому что он боится застрять где-нибудь, споткнуться, как и в речах спотыкается!

Тут Филострат остановился, так как его шутка вызвала смех у некоторых слушателей. Но Дион, отец которого, занимавший важный пост сборщика податей, действительно увеличил свое состояние, не остался в долгу.

– Так, так, – подхватил он презрительно, – сирийский болтун на этот раз не ошибся! Вот он передо мной, и кто же не споткнется, увидев перед собой вонючее болото? Что касается пурпурного плаща, то я ношу его, потому что он мне нравится. Мне не по вкусу желтый плащ Филострата. Конечно, при солнечном свете он довольно ярок. Он напоминает одуванчик. Вы знаете этот цветок? Когда он отцветает – а вы сами видите, похож ли Филострат на нераспустившуюся почку, – то превращается в пустой шар, разлетающийся от дуновения ребенка. Не назвать ли нам эти цветки «филостратовыми головками»? А, вы одобряете мое предложение? Очень рад, сограждане, благодарю вас! У вас есть вкус! Вернемся же к моему сравнению. В каждой голове есть язык, есть он и у Филострата, и по его же словам, это орудие, которое его питает!

– Что вы слушаете этот золотой мешок, этого врага народа! – бешено перебил Филострат. – Видите, по его мнению, честная работа унижает гражданина!

– О честной работе и речи не было, любезнейший, – парировал Дион. – Я говорил только о твоём языке. Вы понимаете меня, сограждане! Впрочем, может быть, не каждый из вас имел дело с этим почтенным человеком; так я объясню вам, что он такое: я его хорошо знаю! Если кому случится вести какой-нибудь скверный, постыдный процесс, советую обратиться к этому человеку. Поверьте мне, дело Дидима уже потому правое, что он так нападает на него! Я уже объяснял вам, что это за дело. Кто из вас, имея сад, может сказать: он мой, если, пользуясь отсутствием царицы, у вас начнут отбирать его. А саду Дидима угрожает именно такая участь. Если это обратится в правило, опасайтесь сеять или сажать что-нибудь на своей земле; прежде чем ваши семена взойдут, у вас могут отнять ваш участок, если супруга какого-нибудь знатного лица вздумает сушить на нем белье!

Одобрительные восклицания послышались в ответ на эти слова; Филострат же прокричал во все горло:

– Послушайте меня, сограждане, не поддавайтесь обману! Никого не собираются ограбить! Хотят приобрести за крупное вознаграждение участок земли, чтобы украсить город, а вместе с тем почтить и порадовать царицу. Неужели же регент и граждане должны отказаться от случая выразить свою радость и благодарность по поводу величайшей победы, о которой мы скоро услышим, только потому, что их план не нравится злему человеку, скажу прямо, врагу отечества!

– Вот теперь я на краю болота, – живо возразил Дион, – и, пожалуй, мне в самом деле придется споткнуться! Нужно большое присутствие духа, чтобы не прикусить язык, слушая столь бесстыдную, такую ядовитую клевету! Вы знаете, сограждане, сколько лет семья Дидимов из поколения в поколение живет в этом домике, создавая замечательные труды; вы знаете, что старец, о котором идет речь, был наставником царских детей!

– А все-таки, – крикнул Филострат, – он совсем недавно прогуливался под руку с Арием, другом Октавиана, заклятого врага царицы! Да я сам слышал и другие слышали, как Дидим называл этого самого Ария своим любимым учеником!

– Вот назвать так тебя, – возразил его противник, – постыдился бы последний школьный учитель! Да если б даже тебя отдали в учение не к риторам, а к селечным торговцам, то всякий порядочный человек из них стыдился бы такого ученика, потому что они продают

хороший товар за медные деньги, а у тебя за золото можно купить только мерзости! Теперь ты отработываешь его, стараясь замарать честное имя достойного человека. Но я не потерплю этого! Слушайте, сограждане, я требую, чтобы этот сириец доказал измену Дидима, или я перед всеми назову его бесчестным, подкупленным клеветником!

– Ругань из таких уст не может оскорбить, – возразил Филострат презрительным тоном. Однако прошло несколько секунд, пока он собрался с духом и обратился к толпе со всей энергией, на какую только был способен. – Чего я добиваюсь, сограждане? Ради чего я говорю с вами? Я честно стою за интересы царицы только потому, что меня побуждает к этому сердце! Чтобы отстоять единственно подходящее место для статуи в честь Клеопатры, я вступаю в спор с моим противником, выслушиваю оскорбления, которыми этот наглец хочет заставить меня молчать! Но я не раскаиваюсь в этом, хотя я восстаю против голоса природы: ведь бессовестный старик, о котором мы говорим, был и моим учителем и называл меня при свидетелях одним из лучших своих учеников, пока не отвратился, не стану говорить, по чьему наущению, от правды и добродетели. Да, одним из лучших, и уж во всяком случае я был одним из благодарнейших! Я женился на его внучке. Я обладал ею...

– Обладал! – перебил Дион с негодованием. – После этого падаль, выброшенная морем, вполне может похвалиться, что обладала им!

Сириец так страшно изменился в лице, что даже при тусклом свете факелов окружающие заметили его смертельную бледность. На минуту он, казалось, потерял самообладание, но тут же оправился и воскликнул:

– Сограждане, дорогие друзья, призываю вас всех в свидетели бедствий, которые навлекла на меня, неопытного мужа, эта красивая, а еще больше развратная женщина...

Но ему не дали кончить, так как присутствующие, из которых многие знали блестящего, щедрого Диона и Барину, прекрасную певицу, участвовавшую в последнем празднике Адониса, разразились неодобрительными криками.

Впрочем, диспут не прервался бы так скоро, если б в эту минуту не овладели толпой беспокорность и страх. Послышались крики: «Назад, посторонитесь!», затем топот коней и команда начальника, появившегося во главе отряда ливийских всадников. Толпа, готовая при случае вступить в борьбу даже с вооруженной силой, на этот раз не чувствовала охоты рисковать жизнью, так как повод был незначительным. К тому же словесная распря неожиданно завершилась комическим приключением, и среди тревожных криков послышался громкий смех. Толпа, кинувшись к источнику, столкнула Филострата в бассейн. Случилось ли это нечаянно или с умыслом, невозможно было разобрать, но тщетные усилия сирийца выбраться из воды, хватаясь за гладкий, скользкий мрамор, и его плачевный вид, после того как чьи-то сострадательные руки помогли ему вылезти на площадь, были так смешны, что раздражение толпы сменилось веселым настроением. Послышались шуточки:

– Ему не мешает помыть руки, они почернели оттого, что он чернил Дидима, – крикнул один.

– Какой-то мудрый врач столкнул его в бассейн, – подхватил другой, – после трепки, которую он получил от Диона, ему полезна холодная ванна.

Регенту, приславшему отряд всадников, чтобы оттеснить толпу от дома Дидима, могло быть только приятно, что эта насильственная мера не встретила сопротивления.

Народ рассеялся и вскоре уже был привлечен новым происшествием у театра Диониса. С его ступеней Анаксенор объявил о блистательной победе, одержанной Клеопатрой и Антонием, а затем пропел под звуки лютни гимн, глубоко тронувший сердца слушателей. Он уже давно сочинил его и воспользовался первым же случаем – слухом, дошедшим до него во время завтрака в Канопе, чтобы исполнить.

Как только площадь опустела, Барина оставила свой наблюдательный пост.

Никогда еще сердце ее не билось так сильно. Дион всегда нравился ей больше, чем кто-либо из ее обожателей; теперь же она почувствовала, что любит его. Конечно, его заступничество заслуживало искренней благодарности, оно показывало, что Дион посещал ее не только для того, чтобы убить время, как большинство гостей!

Для знатного молодого человека было не просто публично вступить в борьбу с бессовестным болтуном, которому она когда-то принадлежала. И как легко он одолел поднаторевшего в полемике противника. При этом выступил против своего могущественного дяди и, может быть, навлек на себя гнев Алексаса, брата Филострата, занимавшего первое место среди любимцев Антония. Это возвышало Барину в ее собственных глазах; она чувствовала, что Дион, не уступавший никому из знатных людей в городе, не решился бы на такой поступок ради какой-либо другой женщины.

С нее точно спали оковы.

Сохранив веселый характер несмотря на неудачное замужество и всевозможные огорчения, она сумела привлечь в свой дом всю александрийскую интеллигенцию, стараясь не оказывать предпочтения никому из гостей. Барина строго следила, чтобы не дать никому из них той власти, которая естественно выпадает на долю человека, сознающего, что он любим. И Диона она не особенно отличала, но теперь охотно отдала бы весь свой блеск за счастье быть им любимой и принадлежать ему. С ним она предпочла бы безвестное уединение этому шумному и блестящему обществу.

Теперь она знала, что делать, если он решит добиваться ее руки; и архитектор впервые видел Барину такой молчаливой. Он охотно проводил бы ее обратно в дом деда, где вновь бы встретил сестру Елену; ему хотелось думать, что та огорчится, видя, что ее защитник не возвращается.

После неожиданного прекращения словесной распри Дион почувствовал сильный подъем духа. Не раз уже случалось ему вступаться за правое дело и одерживать победу, но никогда это не доставляло ему такой радости, как сейчас. Теперь он только и мечтал увидиться с Бариной, сообщить ей о случившемся и услышать благодарность за свою преданность.

Внутреннее чувство подсказывало ему, какого рода будет благодарность, но лишь только светлый образ будущего уступил место размышлениям, веселое выражение на его мужественном лице сменилось озабоченностью.

Несмотря на окружающую его темноту, которой не мог рассеять тусклый свет горевшей смолы, ему казалось, что он стоит в ярком блеске солнечного полдня в цветущем саду своего дворца, а Барина, в награду за его заступничество, в глубоком волнении кинулась к нему на грудь, и он целует ее влажные от слез глаза.

Видение вскоре исчезло, но было таким ярким, точно наяву.

Неужели Барина значит для него больше, чем он сам думал? Неужели его привлекали в ней не только ум и красота? Неужели им овладела истинная, серьезная страсть? Неужели наступит день, когда, повинувшись таинственному, непреодолимому инстинкту, наперекор рассудку, он соединится, быть может, на всю жизнь с ней, Бариной, принадлежавшей когда-то Филострату, а ныне игравшей такую заметную роль в александрийском обществе?

Будь она чиста, как лебедь, – а сомневаться в этом у него не было оснований, – все же ее имя упоминается в одном ряду с именами Аспазии²⁴ и многих других, к которым посетители являлись не только ради пения и увлекательной беседы. Дарами, которыми так щедро наделили ее боги, наслаждались слишком многие, чтобы он, последний отпрыск благородной македонской фамилии, мог ввести ее хозяйкой во дворец, так заботливо и успешно возведенный ему Горгием. Хотя если в нем чего-то недоставало, так только заботливой хозяйки.

²⁴ Аспазия (ок. 470 —? г.г. до н. э.) – афинская гетера, отличавшаяся красотой, умом, образованностью: в ее доме собирались художники, поэты, философы. С 445 г. до н. э. – жена Перикла, афинского стратега, вождя демократов.

А согласится ли она вступить с ним в союз, не освященный браком?

Нет!

Он не мог сделать своей любовницей внучку Дидима, женщину, которая нравилась ему, тем более что она всегда возбуждала в нем уважение, несмотря на свободное обращение с гостями. Да он и сам не хотел этого, хотя его друзья посмеялись бы над такой щепетильностью. Могла ли святость брака иметь какое-нибудь значение в городе, где сама царица дважды вступала в связь с чужими мужьями? И у него случались кое-какие любовные интрижки, но именно поэтому было бы особенно неприятно уравнивать Барину с женщинами, любовью которых он пользовался, быть может, только благодаря золоту.

Мужества и твердости у него хватало, но никогда еще не приходилось ему бороться с такой силой, как теперь.

Проклятое видение! Оно всплывало перед ним снова и снова, смеялось и манило, и Дион чувствовал – наступит день, когда у него не хватит сил бороться с желанием осуществить его на деле. Если только он не расстанется с ней, то, без сомнения, наделает такого, что сам же будет раскаиваться; ему следует молить богиню красноречия ниспослать Архибию дар убеждения, когда он будет уговаривать Барину оставить Александрию.

Трудно будет отказаться от ее общества, но все-таки лучше ей уехать. Пройдет немало времени, пока они снова увидятся, стало быть, есть надежда на победу.

Дион просто не узнавал себя.

Нетвердыми шагами продвигался он вперед, подавив желание зайти для разговора к Дидиму. Там он мог бы встретить Барину, а этого ему не хотелось, хотя все его существо стремилось видеть ее лицо, слышать ее голос и слова благодарности из ее милых уст. Радостное чувство сменилось в нем раздражением, как у человека, который стоит на перекрестке перед тремя дорогами, ведущими к различным целям, из которых ни одна не может вполне удовлетворить его.

Улица, по которой он шел, протискавшись сквозь толпу, вела вдоль берега к театру Диониса. Дион вспомнил, что именно здесь Горгий хотел поставить статую. Он решил осмотреть место, выбранное архитектором, в надежде, что это изменит ход его мыслей.

Когда молодой человек подошел к театру, певец только что окончил гимн, и толпа слушателей стала расходиться. Все говорили о радостной вести, переданной в пышных стихах Анаксенором, любимцем Антония, без сомнения, имевшим верные сведения. Со всех сторон раздавались крики в честь Клеопатры, «новой Исиды», и Антония, нового Диониса, и вскоре старые и молодые, греки и египтяне слились в общем крике: «В Себастеум!» Так назывался дворец, против которого находилось помещение регента и правительства. Народ хотел услышать подтверждение радостной вести.

Дион вообще терпеть не мог таких шумных излияний восторга, но на этот раз настолько заинтересовался вестью, что хотел было примкнуть к толпе, стремившейся в Себастеум. Но тут внимание его было привлечено криками служителей, пролагавших путь для закрытых носилок.

Он узнал носилки Иры. Она-то во всяком случае должна иметь точные сведения, только в такой давке вряд ли удастся потолковать с ней. Ира, по-видимому, была другого мнения на этот счет, так как заметила и подозвала его. В ее голосе, обыкновенно звонком и чистом, звучали хриплые ноты. Вопросы, которыми она засыпала Диона, выдавали глубокое волнение. Не поздоровавшись, она поспешно спросила, отчего волнуется народ, кто принес известие о победе и куда стремится толпа.

Отвечая ей, Дион с трудом протискивался сквозь толпу, стараясь не отстать от носилок. Она заметила это и приказала слугам нести носилки к запиравшимся на ночь воротам, мимо которых они проходили в эту минуту, назвала страже свое имя и, когда ворота были открыты, велела внести носилки и поставить на площадке, а служителям дожидаться снаружи.

Необычное возбуждение и торопливость девушки не на шутку обеспокоили Диона. Она отказалась от предложения выйти из носилок и пройти с ним.

– Зачем, – сказала она, – зачем ты мешаешь регенту, твоему дяде, исполнить его план и ораторствуешь в толпе, как наемный смутьян?

– Как Филострат, хочешь ты сказать, которому вы заплатили, а я дал несколько щелчков в дополнение к вашему золоту.

– Ну да, как Филострат! Не по твоей ли милости столкнули его в воду, после того как ты охладил его пыл? Ты, должно быть, хорошо исполнил свою задачу. То, что делаешь с любовью, обыкновенно удается. Смотри только, чтобы его брат, Алексас, не восстановил против тебя Антония. Что касается меня, то я желала бы только знать, ради чего и ради кого ты все это устроил?

– Ради кого? Да ради славного старика, учителя моего отца, – отвечал Дион без всякого стеснения. – А сверх того, ради хорошего вкуса, так как вряд ли можно найти менее подходящее место для этой статуи, чем сад Дидима.

Ира засмеялась отрывистым и резким смехом, и ее тонкое лицо, которое можно было бы назвать красивым, если б не чересчур длинный прямой нос и маленький подбородок, слегка нахмурилось.

– По крайней мере, ты откровенен! – воскликнула она.

– Ты, кажется, знаешь мой характер, – спокойно ответил он. – Впрочем, такой знаток, как архитектор Горгий, тоже такого же мнения.

– Слышала и об этом. Вы оба – усердные посетители этой, как ее... обворожительной Барины?

– Барины? – повторил Дион, принимая изумленный вид. – Ты, кажется, хочешь, чтобы наш разговор напоминал лабиринт, в котором мы находимся. Я говорю о произведениях искусства, а ты все сводишь... на живое существо, – положим, тоже образцовое творение богов. Во всяком случае, заступаясь за старика ученого, я и в мыслях не имел его внучку!

– Ну, конечно, – возразила она насмешливо, – молодые люди твоего склада и с твоими привычками всегда больше склонны думать о почтенных учителях своих отцов, чем о тех женщинах, от которых происходит все зло на земле с тех пор, как Пандора²⁵ открыла свой ящик. Но, – тут она отбросила назад черные локоны, закрывавшие до половины ее высокий лоб, – я сама не понимаю, как могут меня занимать такие пустяки в подобное время, да еще когда у меня страшная тяжесть на душе... Мне так же мало дела до старика, как и до его бесчисленных сочинений и комментариев, хотя они мне знакомы... Пусть у него будет столько же внуков, сколько злых языков в Александрии. Но теперь нужно устранять все, что может быть неудобным для царицы. Я только что из Лохиаса, из дворца царских детей, и что я там узнала... Это... Нет, я не хочу и не могу этому верить... Одна мысль о таком несчастье душит меня...

– Дурные вести о флоте? – с беспокойством спросил Дион. Ира не ответила, только утвердительно кивнула головой, прижав к губам веер из страусовых перьев в знак молчания. Несмотря на темноту, он заметил, как она вздрогнула. Потом продолжала вполголоса тоном, выдававшим внутреннее волнение:

– Об этом еще не следует говорить... Моряк из Родоса... Впрочем, ничего не известно наверняка... Этого не может, не должно случиться!.. А все-таки... Болтовня... Болтовня Анаксенора, который возбуждает надежды в народе, совершенно некстати... Никто так не вредит сильному миру, как те, кто обязан им всем. Я знаю, Дион, что ты умеешь молчать. Ты еще в детстве доказывал это, когда нужно было что-нибудь скрыть от родителей. А помнишь, как

²⁵ Пандора («всем одаренная») – в греческой мифологии женщина, созданная по воле Зевса, чтобы принести людям соблазны и несчастья. Несмотря на запрет богов, любопытная Пандора открыла сосуд (или ящик), в котором были заключены все людские пороки, и тогда по земле расползлись бедствия и болезни. Ящик Пандоры – в переносном смысле – источник всяких бед.

ты бросился в воду ради меня? Сделаешь ли ты это теперь? Вряд ли! Но на тебя можно положиться. Это известие сдавило мне сердце. Только смотри, никому ни слова, никому! Я не нуждаюсь в поверенных и могла бы скрыть эту новость и от тебя, но мне хочется, чтоб ты, именно ты, меня понял... Когда я садилась в носилки в Лохиасе, вернулся Цезарион, и я говорила с ним.

– Цезарион, – перебил Дион на этот раз вполне серьезно, – любит Барину.

– Так эта ужасающая глупость уже известна? – спросила она с волнением. – Я никогда не подозревала, что у этого мечтателя может пробудиться такая глубокая страсть. Царица вернется, быть может, не с таким успехом, какого мы желаем, увидит тех, от кого ожидает радости, добра, величия, узнает, что ускользнуло от ее пронизательного взора, узнает о том, что случилось с мальчиком... Он ей дорог, дороже, чем все вы думаете. Сколько беспокойства, огорчения для нее! Не права ли она будет, если рассердится на тех, кто должен смотреть за мальчиком?

– И потому, – заметил Дион, – нужно устранить камень с дороги. Устраивая неприятности Дидиму, ты делаешь первый шаг к этой цели.

Он правильно разгадал ее намерения, предположив, что история с Дидимом подстроена ею с целью предоставить властям случай разделаться с ученым и его родными, к числу которых принадлежала Барина. По египетскому закону родственники человека, виновного в каких-либо действиях против правительства, тоже отправлялись в ссылку. Подобная интрига по отношению к ни в чем не повинному ученому, конечно, была подлостью, и, однако, Дион чувствовал, что Ирой руководила не только низменная ревность, но и более благородное чувство: любовь к своей госпоже, стремление избавить ее от неприятностей и забот в трудное время. Он хорошо знал Иру, ее железную волю и беззастенчивость в достижении цели. Теперь самым главным для него было избавить Барину от грозившей ей опасности. Впрочем, и Ира, дочь Кратеса, соседа его отца, с которой он играл еще в детстве, была ему небезразлична, и если б он мог развеять удручающую ее заботу, то охотно сделал бы это.

Его замечание удивило Иру. Она убедилась, что человек, который был для нее дороже всех, разгадал ее мысли, а любящей женщине всегда приятно чувствовать превосходство своего возлюбленного. К тому же она с детства принадлежала к обществу, где выше всего ценятся тонкость и гибкость ума. Ее черные глаза, сначала сверкавшие недоверием, потом потемневшие от скорби, теперь приняли новое выражение. Устремив на своего друга умоляющий взор, она сказала:

– Да, Дион, внучка философа не должна здесь оставаться. Или, быть может, ты укажешь другое средство удержать этого беспутного мальчика от величайшего зла? Ты знаешь меня давно, знаешь, что я, так же как и ты, не люблю нарушать законные права других или причинять кому-либо зло без надобности. Я привыкла уважать тебя! Ты правдивейший из людей и еще вчера уверял меня, будто Эрос вовсе не замешан в твоих отношениях с этой знаменитой женщиной, будто тебя привлекает в ней только ее живой ум. Я потеряла веру во многое, но не в тебя и не в твое слово, однако ж, когда я узнала о твоём заступничестве за деда и представила себе, что ты добиваешься награды и благодарности от внучки, то... то во мне снова проснулись подозрения. Теперь ты, кажется, разделяешь мое мнение...

– Так же как и ты, – подтвердил он, – я думаю, что Барину необходимо избавить от домогательств Цезариона, которые ей не менее неприятны, чем тебе. Цезарион не может покинуть Александрию, в особенности если дела царицы принимают неблагоприятный оборот; остается, стало быть, удалить отсюда Барину, разумеется, с ее согласия.

– Если хочешь, хоть на золотой колеснице и увенчанную розами! – воскликнула Ира.

– Ну, это, пожалуй, наделает шуму, – возразил Дион, смеясь. – Теперь, когда я знаю причины твоего поступка, и хотя он мне по-прежнему не нравится, я охотно помогу тебе. Твои извилистые дороги тоже приводят к цели, и на них меньше шансов споткнуться, но я предпо-

читаю прямые пути и, кажется, нашел именно такой! Один из друзей Барины приглашает ее в свое имение, недалеко отсюда, быть может, на морском берегу.

– Ты? – спросила Ира, и тонкие брови ее слегка сдвинулись.

– Неужели ты думаешь, что она согласилась бы на мое предложение? – отвечал он. – Нет. К счастью, у нас есть более старые друзья, и главный из них – твой дядя и вернейший слуга царицы.

– Архибий! – воскликнула Ира. – Да, но удастся ли ему уговорить ее?

– Он попытается, так как тоже обеспокоен поведением Цезариона. Пока мы здесь разговариваем, он убеждает Барину уехать в его имение. Деревенский воздух будет ей полезен.

– Пусть она расцветет, как пастушка!

– Ты хорошо делаешь, желая ей добра. Возможно, если царица вернется, не одержав победы, раздражительность наших александрийцев удвоится. Вы так рьяно занялись приготовлениями к торжеству, когда принялись за Дидима, что совсем забыли...

– Кто же мог сомневаться в счастливом исходе этой войны! – воскликнула Ира. – И они победят, победят! Родосец говорил, что флот рассеялся. Так и случилось у акарнанского берега. Но он узнал об этом из чужих уст. А что значат подобные сплетни? Наконец, если даже морское сражение действительно проиграно, то остается сильная армия на суше. Войско Октавиана гораздо слабее. И кто из его полководцев может равняться с Антонием, да еще в таком сражении, где он ставит на карту все: славу, честь, власть, ненависть и любовь? Стоит ли пугаться сплетни! После Диррахия дело Цезаря считали проигранным, но Фарсала²⁶ сделала его владыкой мира! Достоин ли разумного человека терять мужество из-за болтовни какого-то корабельщика? А все-таки... все-таки... это началось уже, когда я заболела. А потом ласточки на корабле Антония, на адмиральском корабле! Мы уже тогда говорили об этом. Мардион и твой дядя Зенон своими глазами видели, как чужие ласточки выгнали тех, которые свили гнезда на корабле Антония, и заклевали их птенцов. Ужасное предзнаменование! Оно не выходит у меня из головы. А что мне грезилось, когда я лежала больная, далеко от моей госпожи! Но мне пора. Нет, Дион, нет! Я очень рада нашему свиданию, так как хочу во что бы то ни стало быть спокойна относительно Цезариона. Ставьте статую, где хотите. Пусть народ видит и слышит, что мы уважаем его требования, что мы справедливы. Помоги мне уладить это с пользой для царицы... А если Архибию удастся выпроводить Барину и удержать ее в деревне, то... Да, если бы в моей власти было исполнить твое желание, оно было бы исполнено. Но Диону ничего не требуется от увядшей подруги его детства!

– Увядшей! – воскликнул он с негодованием в голосе. – Скажи лучше, расцветшей, узнавшей тайну вечной юности от своей царственной подруги.

Ира благодарно взглянула на него и протянула для поцелуя свою ручку, уступавшую в красоте только рукам Клеопатры; но, когда он слегка и без всякого пыла прикоснулся губами к ее пальцам, быстро отдернула ее и сказала с внезапным приливом горечи:

– В такую тяжелую минуту такой холодный, вялый поцелуй! Он оскорбителен, позорен. Если Барина послушается Архибия, она не пропадет с тоски в его имении. Я знаю человека, который последует за ней разделить ее уединение. Сюда, Назис! Носильщики! Вперед! К Нильской башне у ворот Солнца!

Дион посмотрел вслед удалявшимся носилкам, провел рукой по своим темно-русым кудрям и быстрым шагом направился к берегу, где стояли лодки, сдававшиеся внаем для увеселительных прогулок. Вскочив в первую попавшуюся, он приказал лодочникам оставаться на берегу, сам поставил парус и направился к выходу из гавани. Дион чувствовал потребность в движении и решил сам разузнать новости.

²⁶ См. «Послесловие».

IV

Дом Барины в садах Панейона²⁷ принадлежал ее матери, получившей его в наследство от своих родителей. Художник Леонакс, отец молодой женщины, сын Дидима, давно уже умер.

Добившись развода с Филостратом, Барина вернулась к матери, занимавшейся домашним хозяйством. Она тоже происходила из семьи ученого; ее брат приобрел почетную известность в качестве философа и руководил обучением молодого Октавиана. Это произошло задолго до ссоры между наследником Цезаря и Марком Антонием. Но и позже, когда Антоний бросил свою жену Октавию, сестру Октавиана, ради возлюбленной Клеопатры и между двумя соперниками разгорелась открытая борьба за владычество над миром, Антоний продолжал дружески относиться к Арию и не винил его в близости к Октавиану. Великодушный римлянин даже подарил бывшему наставнику своего врага прекрасный дом, чтобы удержать его в Александрии.

Вдова Береника, мать Барины, питала горячую привязанность к своему брату, частенько появлявшемуся среди гостей ее дочери. Это была скромная, спокойная женщина, называвшая счастливейшим временем своей жизни годы, когда она жила в уединении, занимаясь воспитанием детей: пылкого Гиппия, Барины и рассудительной Елены, которая несколько лет тому назад переселилась к деду и ухаживала за ним с трогательной заботой. С ней было меньше хлопот, чем со старшими детьми, так как предприимчивость мальчика рано сделала его самостоятельным, а красота и живость Барины с ранних лет привлекали к ней общее внимание, заставляя Беренику быть настороже.

Гиппий обучался ораторскому искусству сначала в Александрии, потом в Афинах и в Родосе, а три года назад Арий отправил его с хорошими рекомендациями в Рим узнать жизнь и попытаться, несмотря на чужеземное происхождение, проложить себе дорогу с помощью своего блестящего ораторского дарования.

Два года несчастливой жизни с бесчестным нелюбимым человеком почти не изменили характер Барины. Мать думала только об ее счастье, выдавая в пятнадцать лет за Филострата, которого Дидим считал в то время многообещающим молодым человеком, имеющим все шансы на успех благодаря ораторскому таланту и поддержке брата Алексаса, любимца Антония. Она надеялась, что замужество окажется лучшим средством оградить живую, красивую девушку от опасностей большого, испорченного города; но недостойный супруг доставил много горя и забот матери и дочери, так же как и его влиятельный брат, преследовавший молодую невестку грязными предложениями. Часто Береника с удивлением смотрела на свою дочь, которая после стольких огорчений и разочарований сохранила такую безмятежность, что можно было подумать, глядя на нее, будто ее жизненный путь усеян розами...

Отец ее, Леонакс, в свое время считался лучшим из александрийских художников, и от него-то она и унаследовала гибкую душу, способную выпрямиться после тяжкого удара. Ему же была она обязана редким вокальным даром, который всесторонне развивала. Еще девочкой Барина отличалась среди своих подруг на празднествах в честь богинь города. Все хвалили ее искусство, а с тех пор как она пропела гимн на празднике Адониса перед восковой статуей любимца богини, умерщвленного вепрем, имя ее стало популярным. Послушать ее пение считалось редкой удачей, так как она пела только у себя дома или на празднествах в честь божества.

Царица тоже слушала ее, а после праздника Адониса Арий представил ее Антонию. Со свойственной ему откровенностью и пылом тот выразил ей восхищение, а немного погодя познакомил с ней своего сына Антилла. Он бы не преминул испытать на ней силу своих чар,

²⁷ Панейон – святилище в честь бога Пана в центре Александрии, на искусственной возвышенности, вокруг которой шла спиральная дорога.

покорявших женские сердца, но после второго посещения обстоятельства заставили его уехать из Александрии.

Береника упрекала брата, зачем он ввел в их дом возлюбленного царицы, а частые посещения Антиллы и в особенности Цезариона усиливали ее тревогу.

Эти молодые люди не принадлежали к числу гостей, посещения которых доставляли ей удовольствие. Лестно было, конечно, что они удостоили своим присутствием ее скромное жилище, но она знала, что за Цезарионом строго следят, и видела по глазам, какая причина заставляет его посещать ее дочь. В постоянном беспокойстве за старших детей утратила она бодрость духа, отличавшую ее в молодости. Теперь, если что-нибудь новое вторгалось в ее жизнь, Береника прежде всего ждала дурных последствий. Если перед ней стоял пылающий светильник, то сначала замечалась тень, а потом уже свет. Вся жизнь превратилась в непрерывную цепь опасений, но она слишком горячо любил своих детей, чтобы дать им заметить все это. Утешало только то, что в случае, если какое-нибудь из ее зловещих предсказаний сбывалось, то она, мол, все предвидела заранее.

На ее все еще красивом и спокойном лице нельзя было прочесть следов беспокойства. Говорила Береника мало, но рассудительно и умела слушать собеседника. Поэтому гости Барины всегда были рады ей. Ее присутствие импонировало даже самым знаменитым из них, так как они чувствовали, что эта спокойная женщина понимает их.

В этот вечер, до возвращения Барины, случилось происшествие, заставившее Беренику вдвойне пожалеть о несчастье, приключившемся с Арием третьего дня. Возвращаясь домой от сестры поздно вечером, он был сбит с ног и сильно помят бешено мчавшейся колесницей. Теперь Арий лежал в постели больной, и угрозы его сыновей отомстить нахалу, изранившему их отца, отнюдь не облегчали его страданий, так как он имел основание думать, что виновником этого происшествия был все тот же Антилл. А ссора с сыном Антония не обещала ничего доброго для молодых людей, тем более что юный римлянин не унаследовал великодушия и гуманности своего отца. Конечно, Арий не мог упрекать сыновей, разражавшихся бранью против обидчика, который даже не обратил внимания на опрокинутого им человека. Он предостерег сестру против не знающей удержу разнузданности молодого человека, отец которого был им введен в дом Береники. Сегодняшний вечер показал, что предостережения брата имели основание. Дело в том, что после захода солнца к Барине, по обыкновению, явилось несколько гостей, в том числе девятнадцатилетний Антилл. Привратник отказал им, но молодой человек, желая во что бы то ни стало видеть Барину, оттолкнул старика, хотевшего его удержать, и, несмотря на сопротивление, проник в мастерскую покойного хозяина дома, служившую теперь приемной. Только убедившись, что она пуста, он согласился уйти, но оставил букет цветов, прикрепив его к статуе Эроса. Привратник и служанка Барины подумали, что он пьян. Это было особенно заметно, когда Антилл и ожидавшая его на улице компания побрели, пошатываясь, прочь.

Неприличная и оскорбительная выходка юноши сильно взволновала Беренику. Она не могла оставить ее безнаказанной и, поджидая дочь, раздумывала, к каким скверным последствиям может привести отказ Антиллу от дома и жалоба начальнику дворца, а с другой стороны, до чего дойдет его наглость, если оставить его выходку без внимания.

Недобрые предчувствия томили ее, но, ожидая худшего, она втайне надеялась, не принесет ли Барина какую-нибудь радостную весть.

Наконец Барина явилась в таком радужном, веселом настроении, как никогда.

У вдовы отлегло от сердца. Очевидно, случилось что-нибудь очень радостное, если ее дочь так весела. А между тем она, наверное, уже слышала о выходке Антиллы, так как явилась к матери без головного убора и с новой прической, стало быть, успела побывать в спальне и переодеться с помощью болтливой кипрской рабыни, совершенно не способной держать язык за зубами.

«Посторонний не дал бы ей больше девятнадцати лет, – думала мать, – как идет ей белое платье и пеплос с голубой каймой, как красиво выделяется лазурная лента на ее кудрявой головке! Кто бы подумал, что к этим золотистым локонам не прикасалось разогретое железо, что румянец на этих щеках и алебастровая белизна рук даны ей от природы? Такая красота зачастую становится даром данайцев; но все же это великолепный дар богов! Но зачем она надела браслет, присланный Антонием? Не для меня же! Дион вряд ли зайдет так поздно. Я вот люблю ее, а может быть, над нами уже нависло новое несчастье».

Так раздумывала она, в то время как дочь, прислонившись к подушкам мягкого ложа, весело рассказывала о том, что видела у деда и перед его домом. Когда речь зашла о неприличном поступке Антиллы, она сказала с беспечностью, испугавшей Беренику, что это безобразия больше не повторятся.

– Но кто же ему помешает? – спросила мать.

– Кто же, кроме нас самих? – последовал ответ. – Перестанем его принимать.

– А если он вздумает вломиться насильно?

Большие голубые глаза Барины сверкнули.

– Пусть попробует, – сказала она решительным тоном.

– Какая же сила может удержать сына Антония? – спросила Береника. – Я такой не знаю.

– А я знаю, – возразила дочь, – выслушай меня; я должна быть краткой, потому что ожидаю гостя.

– Так поздно? – воскликнула тревожно Береника.

– Архивий хотел поговорить с нами о важном деле.

При этих словах складки на лбу матери разгладились, но тотчас же появились снова.

– О важном деле, в такой необычный час? Я не ожидаю ничего доброго. Когда я шла к брату, ворон перелетел мне дорогу и направился налево в сад.

– А я, – отвечала Барина, – справившись о здоровье дяди, я видела семь – да, ни больше ни меньше, потому что семь лучшее из чисел, – семь белоснежных голубей, которые все летели направо. Самый красивый был впереди. Он держал в клюве корзиночку, а в ней находилась сила, которая избавит нас от сына Антония. Почему ты смотришь на меня с таким удивлением, милый сосуд всяческих опасений?

– Но, дитя, ты говорила, что Архивий придет так поздно поговорить о каком-то важном деле.

– Он скоро будет здесь.

– Разрешите же эту загадку; я туго соображаю.

– В самом деле, нам нельзя терять времени. Слушай же: прекрасный голубь – хорошая, верная мысль, а что он несет в корзиночке, ты сейчас узнаешь. Видишь ли, матушка, мы даем повод к осуждению; это не должно продолжаться. С каждым днем я чувствую это сильнее, и пройдет еще несколько лет, прежде чем этими опасениями можно будет пренебречь. Я слишком молода, чтобы принимать всякого, кто вздумает ко мне явиться, да еще приводить своих приятелей. Конечно, наша приемная – мастерская моего отца, а хозяйка этого дома – ты, моя милая, безупречная, достойная мать; но ты слишком скромна, ты, которая во всех отношениях лучше меня, держишься в тени, так что о тебе вспоминают, только когда тебя нет. Поэтому всякий, кто приходит к нам, говорит: «Я иду к Барине!»... Я не могу больше выбирать, и эта мысль...

– Дитя, дитя, – перебила сияющая мать, – кто из бессмертных встретился с тобой сегодня?

– Ты уже знаешь, – весело сказала дочь, – я встретила семь голубей, и когда взяла у первого, прекраснейшего, корзиночку, он рассказал мне историю. Хочешь послушать?

– Конечно, только рассказывай быстрее, а то нам помешают.

Барина откинулась на подушки и, опустив свои длинные ресницы, начала:

– Жила когда-то женщина, у которой был сад в лучшей части города, – положим, хоть здесь, вблизи Панеума. Осенью, когда созрели плоды, она оставила садовую калитку открытой, хотя все соседки делали по-другому. А для того чтобы уберечь свои финики и смоквы от незваных гостей, она вывесила на калитке дощечку с надписью: «Не возбраняется входить в сад и любоваться им, но кто сорвет цветок или плод, или будет топтать траву, того разорвут собаки».

Но у женщины этой была только комнатная собачка, да и та ее не слушалась. Однако предупредительная надпись сделала свое дело, так как сначала в сад заходили только соседи из знатной части города. Впрочем, они и без предупреждения не стали бы трогать собственность женщины, так гостеприимно открывшей им свой сад. Так было некоторое время, пока в сад не зашел какой-то нищий, потом финикийский матрос и египтянин из Ракотиса. Никто из них не умел читать, и так как они не особенно строго различали «мое» и «твое», то один потоптал траву, другой сорвал цветок, третий плод. Затем стало являться все больше и больше разного сброду, и ты сама можешь догадаться, что из этого вышло. Посетители оставались безнаказанными, так как лай комнатной собачки никого не мог испугать, а это придало храбрости и тем, кто умел читать. Скоро сад потерял всю свою прелесть, да и все плоды заодно. Так что, когда дождь смыл надпись с доски и шаловливые мальчишки испачкали ее своими каракулями, это уже ничему не могло повредить: сад никого не привлекал, и посетители перестали являться. Тогда владелица его решила запирать калитку, по примеру соседок, и на следующий год наслаждалась зеленью дерна и пестрыми красками цветов. Она воспользовалась и плодами, и собачка не докучала ей своим лаем.

– Это значит, – сказала мать, – что если бы все люди были так же вежливы и порядочны, как Горгий, Лизий и им подобные, то мы могли бы по-прежнему принимать всех. Но так как есть сорванцы вроде Антиллы...

– Верно! – перебила дочь. – Никто не мешает нам приглашать таких людей, которые сумеют прочесть нашу надпись. Завтра же объявим гостям, что мы не можем принимать их, как раньше.

– А поступок Антиллы, – прибавила Береника, – может служить отличным предлогом. Всякий здравомыслящий человек поймет это...

– Конечно, – согласилась Барина, – а если ты, умнейшая из женщин, заявишь со своей стороны...

– То мы избавимся от докучливых посетителей. Поверь мне, дитя, если только ты не...

– Не нужно «если»! Никаких если! – воскликнула молодая женщина. – Мне так приятно думать о новой жизни, лишь бы она устроилась, как я надеюсь и желаю... Послушай, матушка, ведь боги должны вознаградить меня?

– За что? – раздался низкий голос Архибия, который вошел без доклада, не замеченный обеими женщинами.

Барина вскочила и воскликнула, протянув старому другу обе руки:

– Приведя тебя к нам, они уже начинают со мной расплачиваться.

V

Художнику, в особенности великому живописцу, нетрудно украсить свой дом. Его вкус не допустит ничего неизящного, того, что нарушает гармонию, оскорбляет его глаз. И ему не требуется приглашать мастеров. Только муза явится ему на помощь.

Леонакс, отец Барины, сумел придать восхитительный вид своему жилищу. Стены его мастерской были украшены картинами из жизни великого Александра, основателя его родного города, фриз – хороводом пляшущих амуров.

Тут принимала гостей Барина, и слава об этой живописи была одной из причин, побудивших Антония посетить ее дом и привести с собой сына, в котором ему хотелось пробудить хоть какую-нибудь любовь к искусству. Конечно, красота и пение Барины тоже не остались без внимания, но пылкая страсть, охватившая его в зрелые годы, принадлежала всецело Клеопатре. Царица сумела привязать Антония к себе какими-то сверхъестественными узами. Но во всяком случае он был обязан Барине несколькими приятными часами, а каждый, кому он был чем-либо обязан, получал подарок. Ему льстила репутация самого щедрого из людей, и в данном случае его подарок, гладкий браслет с геммой²⁸, в которой был вырезан Аполлон, играющий на лире и окруженный музами, действительно мог считаться неоценимым сокровищем, хотя выглядел очень скромно. Это было произведение знаменитейшего резчика эпохи Птолемея II Филадельфа; каждая фигурка на ониксе, шириной не более трех пальцев, была вырезана с изумительным мастерством. Антоний выбрал его потому, что браслет очень подошел Барине. О цене он на этот раз не думал, так как оценить подобную вещь мог только знаток. Барина охотно надевала его, так как браслет не отличался пышностью.

Если бы Антонию не пришлось уехать из Александрии, его второе посещение, без сомнения, не было бы последним. Кроме пения, которое привело его в восторг, он насладился оживленной и интересной беседой и мог любоваться замечательными картинами, которые Леонакс выменял у своих товарищей.

Произведения пластического искусства также украшали обширную комнату, посреди которой возвышался светильник в виде статуи.

Создателем его был тот самый скульптор, резцу которого принадлежала возбуждавшая столько споров статуя Антония и Клеопатры. Эрос из обожженной глины, прицеливавшийся из лука в невидимую жертву, был также его произведением. Антоний во время своего второго посещения положил перед ним венок, заметив шутливо, что приносит жертву «сильнейшему из победителей», а Антилл сегодня вечером грубо засунул букет в натягивавшую лук согнутую правую руку статуи. При этом он слегка повредил изваяние... В настоящую минуту цветы лежали на маленьком алтаре в глубине комнаты, тускло освещенной одной лампой, так как хозяйки перешли вместе с гостем в любимую комнатку Барины, украшенную несколькими картинами покойного отца.

Букет Антиллы и попорченная статуя играли большую роль в разговоре с Архибием и значительно облегчили его задачу. Женщины встретили его жалобами на неприличное поведение молодого римлянина, и Барина объявила, что не намерена больше приносить жертвы Зевсу Ксениосу, покровителю гостей. В будущем она решила посвятить жизнь скромным домашним богам и Аполлону, отдать им свой дар пения как небольшую, но драгоценную жертву.

Архибий с изумлением слушал ее и начал говорить не прежде, чем она высказалась полностью и нарисовала ему свою будущую жизнь наедине с матерью, без шумных собраний в мастерской отца.

²⁸ Гемма – драгоценный или полудрагоценный камень с вырезанным изображением.

Воображение молодой женщины уже перенесло ее в новую, тихую жизнь. Но при всей живости ее рассказа умудренный опытом слушатель, по-видимому, не вполне был убежден. По крайней мере тонкая улыбка освещала по временам его резкие и вместе с тем меланхолические черты, черты человека, самоустранившегося с жизненной арены, отказавшегося от борьбы, ради роли зрителя наблюдающего, как другие возвышаются и падают в погоне за удачей. Быть может, раны, полученные им, еще не вполне зажили, но это не мешало ему оставаться внимательным наблюдателем. Взгляд его светлых глаз показывал, что он переживает то, что возбуждало в нем участие. Кто мог так слушать и кто передумал так много, тот не мог не быть хорошим советчиком. Именно за это достоинство Клеопатра отличала его перед всеми.

И в этот раз, как всегда, проявилась свойственная Архибию обдуманность, так как, явившись убедить Барину уехать, он не открыл цели своего посещения, пока она не поведала ему обо всех своих намерениях и не спросила, о каком таком важном деле он хотел поговорить с ней.

В общих чертах его предложение могло считаться уже принятым. Поэтому он начал с вопроса, не кажется ли им, что переход к новой жизни удобнее совершить, уехав на время из города. Все будут поражены, если завтра они перестанут принимать гостей, и так как о причине этого решения неудобно распространяться, то многие будут обижены. Если же они уедут на несколько недель, то многие пожалеют об их отъезде, но никому не будет обидно.

Мать тотчас согласилась с гостем, но Барина колебалась. Тогда Архибий попросил ее высказаться откровенно и, когда она спросила, куда же им уехать, предложил свое поместье.

Его пронизательные серые глаза сразу заметили, что обстоятельства, удерживавшие Барину в городе, связаны с делами сердечными. Поэтому он пообещал, что избранные друзья будут время от времени навещать ее. Подняв голову, она обратилась к матери с веселым восклицанием:

– Едем!

Тут снова проявилось живое воображение дочери художника, нарисовавшее почти осязаемую картину будущего. Конечно, никто, кроме нее, не знал, на кого она намекает, говоря о госте, которого будет ожидать поместье Архибия. Ей очень понравилось его название, которое означает «Мирный приют».

Архибий слушал с улыбкой, но, когда она начала было рассказывать о его участии в катании на маленьких сардинских лошадках и в охоте на птиц, остановил ее, заметив, что его пребывание в поместье зависит от исхода другого, более важного дела. Он пришел к ним с легким сердцем, так как несколько часов тому назад слышал о блестящей победе царицы. Хозяйки позволят ему посидеть еще немного, чтобы у них дожидаться подтверждения этой вести.

Видно было, что он не совсем спокоен.

Береника разделяла его тревогу, и ее доброе лицо, оживленное радостью по поводу благоразумного решения дочери, сделалось озабоченным, когда Архибий сказал:

– Теперь о цели моего посещения. Вы облегчили мне ее исполнение. Я мог бы теперь вовсе не упоминать о ней, но считаю это нечестным. Я пришел для того, чтобы на какое-то время удалить тебя из города. Мальчишеская дерзость сына Антония не представляет, на мой взгляд, ничего опасного. Но Барине не следует встречаться с Цезарионом.

– Пересели меня хоть на луну, только бы не видеть его! – воскликнула она. – Вот одна из причин, побуждающих меня изменить наш образ жизни. Неприлично мальчику, который должен еще ходить в школу, так злоупотреблять своим высоким положением. И мне вовсе не хочется называть «царем» этого сонного мечтателя с жалкими, умоляющими глазами!

– Но есть ли страсть, которая не может затаиться в сердце сына таких людей, как Юлий Цезарь и Клеопатра? – заметил Архибий. – А на этот раз он воспламенился не на шутку. Знаю, дитя, что ты тут ни при чем! Как бы то ни было, подобные чувства не могут не огорчать сердца

матери. Поэтому отъезд следует ускорить и держать в секрете твое местопребывание. Он еще не приступал ни к каким действиям, но от сына таких родителей можно всего ожидать!

– Ты пугаешь меня! – воскликнула Барина. – Видишь опасного ястреба в воркующем голубке, залетевшем в мой дом?

– Считай его ястребом, – предостерег Архибий. – Ты приветливо принимаешь меня, Барина, и я люблю тебя с детства как дочь моего лучшего друга, но, предлагая тебе ехать в Ирению, я оберегаю не только тебя. Моя главная цель – избавить от горя или хотя бы простого беспокойства ту, которой я, как тебе известно, обязан всем.

Эти слова явно показали женщинам, что, как бы они ни были дороги Архибию, он не задумается принести их да, пожалуй, и весь свет в жертву покою и счастью царицы.

Барина и не ожидала от него ничего другого. Она знала, что Архибий, сын бедного философа, обязан Клеопатре своим богатством и обширными поместьями, но чувствовала, что его страстная привязанность к царице, о которой он пекся, как нежный отец, проистекала из другого источника. Обладая он честолюбием, ему бы ничего не стоило сделаться эпитропом и стать во главе правления, но – и это было известно всему городу – он не раз отказывался от выборных должностей, так как находил, что может принести больше пользы царице в скромной, незаметной роли советника.

Мать рассказывала Барине, что знакомство Архибия с Клеопатрой произошло еще в детстве. Но подробностей их сближения она не знала. Всякого рода сплетни возникали на этот счет и, украшенные разными выдумками и анекдотами, передавались из уст в уста как достоверные сведения. Барина, естественно, верила рассказам о детской любви царевны к сыну философа. По-видимому, его теперешнее отношение к ней подтверждало эту историю.

Когда он умолк, она сказала, что понимает его, и, указывая на портрет девятнадцатилетней Клеопатры работы Леонакса, прибавила:

– Не правда ли, в то время она была поразительно хороша?

– Так и изобразил ее твой отец, – отвечал Архибий, – Леонакс нарисовал тогда же портрет Октавии и, кажется, находил ее еще красивее.

При этом он указал на портрет сестры Октавиана, нарисованный Леонаксом, когда она еще состояла в первом браке с Марцеллом.

– Нет, – возразила Береника, – я очень хорошо помню это время. Могла ли я остаться равнодушной, слушая его восторженные рассказы о римской Гере²⁹? Я еще не видала портрета, и на мой вопрос, неужели он находит Октавию красивее царицы, Леонакс с азартом воскликнул: «Октавия принадлежит к числу тех женщин, о которых говорят «хороша» или «не так хороша»; но Клеопатра, та стоит особняком, сама по себе, вне всякого сравнения».

Архибий утвердительно наклонил свою массивную голову и решительно произнес:

– Ребенком, впервые увиденным мной, она была прекраснейшей среди богов любви.

– А сколько же лет ей было тогда? – спросила Барина.

– Восемь лет! Как давно это было, а между тем я живо помню каждый час.

Барина попросила его тут же рассказать о том времени. Он задумался на минуту, потом поднял голову и сказал:

– Пожалуй, тебе следует познакомиться поближе с женщиной, для которой я требую у тебя жертвы. Арий вам брат и дядя. Он близок к Октавиану, потому что был его наставником. Я знаю, что он чтит Октавию, сестру римлянина, как богиню. Теперь Марк Антоний борется с Октавианом за владычество над Римом; Октавия уже пала в борьбе с женщиной, о которой вы хотите услышать. Не мое дело судить; я могу только поправлять ошибки и предостерегать. Римские матроны курят фимиам Октавии и отворачиваются, когда услышат имя Клеопатры. Здесь, в Александрии, многие делают то же, думая, что и к ним перейдет частица ее святости.

²⁹ Гера – верховная греческая богиня, царица богов.

Они называют Октавию законной супругой, а Клеопатру – разлучницей, похитившей у нее сердце мужа.

– Только не я! – горячо воскликнула Барина. – Я часто слышала об этом от дяди. Антоний и Клеопатра страстно любили друг друга. Никогда стрела Амура не проникала так глубоко в сердца двух любящих! Но было необходимо избавить государство от кровопролития и гражданской войны. Антоний решил заключить союз с соперником и в залог искренности примирения согласился предложить руку Октавии, только что потерявшей своего первого супруга. Руку, но не сердце, потому что сердце его уже принадлежало царице Египта. И если Антоний изменил супруге, которую навязала ему государственная необходимость, то этим самым сохранил верность другой, имевшей больше прав на него. И если Клеопатра не захотела бросить Антония, которому клялась в вечной любви, то она была права, тысячу раз права! На мой взгляд, Клеопатра, что бы ни говорила об этом моя мать, – была и есть истинная супруга Антония перед бессмертными богами, а та, другая, хотя при ее браке были соблюдены все обряды, все пункты, все формальности, только разлучница, не имевшая никакого права расторгать союз, которому боги радуются. Как бы ни возмущались люди и, прости меня, матушка, добродетельные матроны.

При этих словах Береника, слушавшая свою пылкую дочь с краской на лице, перебила ее, сказав с некоторой опаской, но убежденно:

– Я знаю, что теперь принято говорить, будто Клеопатра законная супруга Антония в глазах египтян и по их обычаю; знаю, что вы оба не согласны со мной. Но ведь Клеопатра гречанка, стало быть... Вечные боги!.. Можно ее пожалеть; но брак – святое дело, и я не могу сказать ничего против Октавии. Она воспитывает и лелеет детей неверного мужа от его первого брака с Фульвией, а ведь, в сущности, какое ей до них дело? А как она старается уладить все, что может повредить ему – ему, который сделался ее врагом! Вряд ли какая-нибудь женщина в Александрии горячее, чем я, молит богов о победе Клеопатры и ее друга над Октавианом. Его холодный рассудок, как бы ни восхищался им брат, претит мне. Но когда я гляжу на портрет Октавии, на это чудное, прекрасное, целомудренное, истинно благородное лицо, на это зеркало женской непорочности...

– Можешь им любоваться, – перебил Архивий, слегка прикасаясь к ее руке, – только советую тебе повесить этот портрет где-нибудь в укромном месте и высказывать вслух свое мнение об Октавии только брату да такому надежному другу, как я. Если мы победим, тогда, пожалуй, если же нет... однако вестник что-то замешкался...

Барина снова попросила его воспользоваться свободным временем и рассказать о царице. Она сама только однажды имела счастье обратить на себя ее внимание на празднике Адониса. Клеопатра подошла к ней и поблагодарила за пение. Царица сказала всего несколько слов, но таким голосом, который проник в сердце Барины и точно приковал ее к царице невидимыми нитями. При этом их взгляды встретились, и в первую минуту Барине захотелось прикоснуться губами хотя бы к краю платья своей царственной собеседницы, но тут же ею овладело такое чувство, будто из прекраснейшего цветка показалось жало ядовитой змеи...

Тут Архивий перебил Барину, заметив, что, насколько он припоминает, Антоний подошел к ней после пения вместе с царицей и что Клеопатре не чужды женские слабости.

– Ревность? – удивилась Барина. – Я никогда не доходила до такого тщеславия, чтобы вообразить что-нибудь подобное! Я подумала только, что Алексас, брат Филострата, настроил ее против меня. Он ненавидит меня так же, как и мой бывший муж, потому что я... Но все это так низко и отвратительно, что я не хочу портить себе настроение. Как бы то ни было, мое подозрение, что Алексас очернил меня перед царицей, не лишено основания. Он хитер, как и его брат, и, втеревшись в доверие к Антонию, имеет возможность часто встречаться с Клеопатрой. Он отправился вместе с ними на войну.

– Я слишком поздно узнал об этом, притом же я ничего не значу в сравнении с Анто-нием, – заметил Архибий.

– Но я-то, естественно, обеспокоена, что царица явно настроена против меня. Во всяком случае, я заметила в ее взгляде что-то враждебное, что оттолкнуло меня от нее, хотя сначала я стремилась к ней всем сердцем.

– И если бы другой не вмешался в отношения между вами, – прибавил Архибий, – ты бы уже не смогла расстаться с ней!.. Когда я в первый раз увидел ее, то и сам был совсем ребенком, а ей, как я уже сказал, было восемь лет.

Барина благодарно кивнула ему, принесла матери веретено, подлила воды в кружку с вином и сначала спокойно расположилась на подушках, потом слегка приподнялась и вся обра-тилась в слух, опершись локтями на колени и положив подбородок на руки.

– Вы знаете мой загородный дом в Канопе? – начал Архибий. – Сначала это был лет-ний дворец царской фамилии. С тех пор как мы в нем поселились, там почти все осталось по-прежнему. Даже сад не изменился. Он полон тенистыми старыми деревьями. Придворный врач Олимп выбрал этот уголок для царских детей, порученных попечениям моего отца. В Александрии в то время было беспокойно, так как Рим уже довлел над нами, точно злой рок, хотя еще не признавал завещания, в котором злополучный Александр отказывал ему Египет, точно какое-нибудь поместье или раба.

Царем Египта был в то время довольно ординарный человек, величавший себя «Новым Дионисом»³⁰ с довольно сомнительными правами на престол. Вы знаете, что народ прозвал его Авлетом³¹. Действительно, больше всего на свете любил он музыку и сам играл на различных инструментах, и притом одинаково скверно на всех. Как пропойца, он оправдывал и другое свое прозвище. Остаться трезвым на празднике Диониса, земным воплощением которого он считал себя, значило нажить себе смертельного врага в его лице.

Жена Авлета, царица Тифена, и его старшая дочь, носившая твое имя, Береника³², отрав-ляли ему жизнь. В сравнении с ними он был во всех отношениях достойный и добродетельный человек. Во что превратились герои и мудрые, благомыслящие правители дома Птолемеев! Все пороки, все страсти свили гнездо в их дворце!

Авлет был, кстати, еще далеко не из худших. Своим страстям он предавался без удержу, так как никто не научил его управлять ими. В случае опасности он не прочь был прибегнуть к убийству. Но все-таки у него имелось одно несомненное достоинство: он питал отвращение к разврату, верил в добродетель и величие. В детстве ему попался хороший учитель. Кое-что из наставлений запало ему в душу, и вот он решил избавиться от пагубного влияния матери, по крайней мере, своих любимых детей: двух младших дочерей.

Как я узнал впоследствии, он намеревался доверить всецело их воспитание моему отцу. Но это оказалось невозможным. Греки могли обучать царских детей наукам, но за их религи-озное воспитание египетские жрецы держались крепко. Врач Олимп – вы знаете этого почтен-ного старца – настаивал на том, что Клеопатра, не отличавшаяся крепким здоровьем, должна проводить зиму в Верхнем Египте, где небо всегда ясно, а лето – на морском берегу, в каком-нибудь тенистом саду. Такой сад имелся при летнем дворце подле Канопа, и на нем остановился выбор врача. Когда мои родители переехали туда, он был совершенно пуст, но приезд царевен ожидался в самом непродолжительном времени. Для зимнего местопребывания Олимп выбрал островок Филы на нубийской границе, так как там находился знаменитый храм Исиды, жрецы которого охотно взялись смотреть за царевнами.

³⁰ Птолемей XII Неос Дионис (80–51 г.г. до н. э.).

³¹ Авлет – «флейтист». Прозвище произошло от названия древнейшего греческого духового инструмента авлоса, в ранних переводах ошибочно именуемого флейтой.

³² Береника IV правила после изгнания Авлета в 58–55 г.г. до н. э. сначала вместе с матерью, а после ее смерти самосто-ятельно.

Обо всем этом царица и слышать не хотела, так как одна мысль провести лето вдали от Александрии, в каком-то захолустье под тропиками, внушала ей ужас. И так, она предоставила мужу поступать как знает, да ей и самой хотелось избавиться от возни с детьми, так как позднее, после изгнания царя из Александрии, она ни разу к ним не заглянула. Правда, скорая смерть не оставила ей на это времени.

Ее старшая дочь и преемница, Береника, последовала ее примеру и не заботилась о сестрах. Я слышал позднее, что она разузнавала, как их воспитывают, и была очень довольна, что учителя не стараются пробудить в них жажду власти.

Братья Клеопатры воспитывались на Лохиаде под руководством нашего соотечественника Феодота и под присмотром опекуна Потина.

Понятно, что жизнь нашей семьи совершенно изменилась с прибытием царских детей. Во-первых, мы переселились с площади Мусейона в канопский дворец и очень обрадовались старому тенистому саду. Как сейчас помню утро – мне было тогда пятнадцать лет, – когда отец сообщил, что вскоре с нами будут жить царские дочери. Нас было трое в семье: Хармиона, которая теперь отправилась на войну с царицей, так как Ира захворала перед самым отъездом, я и Стратон, которого уже давно нет в живых.

Нас просили вести себя вежливо и почтительно с царевнами. Да мы и сами понимали, что это особы важные, так как пустой и заброшенный дворец был перестроен сверху донизу к их приезду.

Накануне приезда девочек появились лошади, повозки, носилки, а на море лодки и великолепный корабль с полным вооружением. Кроме того, прибыла толпа рабов и рабынь и два толстых евнуха.

Я хорошо помню расстроенное лицо отца при виде этой оравы. Он тотчас отправился в город, и, когда вернулся, его светлые глаза смотрели по-прежнему весело. Вместе с ним приехал придворный чиновник и отправил обратно весь лишний народ и хлам, оставив только самое необходимое, по указаниям отца.

На следующее утро мы ожидали их приезда; лужайки и кустарники пестрели цветами, деревья уже оделись яркой зеленью – дело происходило в конце февраля. Я взобрался на большой сикомор перед воротами, чтобы увидеть их издали. Мне пришлось-таки изрядно подождать, и, окинув взором сад, я сказал себе, что он должен им понравиться, потому что такого нет ни при одном дворце в городе.

Наконец показались носилки, без вестников и свиты, как и просил отец, и когда девочки вышли из них, обе разом, у меня просто глаза разбежались. Та, которая не вышла, а выпорхнула, как мотылек, из передних носилок, не была девочкой такой же, как все другие, она явилась передо мной, как желание, как надежда. И пока это нежное, прелестное существо осматривалось, поворачивая головку туда и сюда, и наконец уставилось большими влажными, точно умоляющими о помощи глазами на моих отца и мать, вышедших навстречу царевнам, я думал, что такова и была Психея, явившаяся с мольбой перед престолом Зевса.

Но и на другую стоило посмотреть!

«Не эта ли Клеопатра?» – подумал я.

Ее можно было принять за старшую, но какая разница с первой! У той – она-то и оказалась Клеопатрой – все, от выющихся волос до малейшего жеста, казалось эфирным; вторая была точно выкована из меди. Обеими ногами выпрыгнула она из носилок, твердо ухватилась за дверцу и надменно вздернула головку с густыми черными кудрями. Румянец играл на ее белом личике, голубые глаза светились так же ярко, но выражение их было скорее повелительным, и, осматриваясь кругом, она слегка скривила губки, как будто все окружающее представлялось ей низким и недостойным ее особы.

Это несколько огорчило меня, и я подумал, что как ни хорошо у нас, однако такая простая и скромная – благодаря стараниям моего отца – обстановка должна показаться бедной и жалкой после золота, мрамора и пурпура царских покоев.

Она тоже была хороша собой и невольно привлекала внимание. Впоследствии, видя ее повелительные манеры и настойчивость, с которой она добивалась исполнения всех своих желаний, я подумал в своей ребяческой наивности, что Арсиное следовало бы быть старшей, так как она более способна управлять государством, чем Клеопатра. Я сообщил об этом сестрам, но вскоре мы все увидели, кому свойственно истинное величие. Арсиноя, если ее желание не исполнялось, могла плакать и капризничать, приходиться в неистовство или, когда ничего другого не оставалось, канючить и приставать. Клеопатра же достигала своих целей иными способами. Она уже тогда знала, каким оружием может одержать победу, и, пользуясь им, неизменно оставалась царской дочерью.

Пафос, напыщенность были так же чужды этому воплощению кроткой, нежной прелести, как любой дочери ремесленника; нежный голос, чарующий взгляд и в крайнем случае немые слезы – вот какими средствами побеждала она самый решительный отказ. Никакое сопротивление не могло устоять против этих чар, к которым присоединялись несколько слов вроде: «Как бы я была рада» или: «Разве ты не видишь, что это огорчает меня?» Да и позднее, в самые критические минуты жизни, немые слезы и чарующий голос всегда помогали ей одерживать победу.

Мы, молодежь, вскоре подружились с ними. Учение началось не прежде, чем царевны освоились в нашей семье. Арсиное это пришлось по вкусу, хотя она уже умела читать и писать; но Клеопатра не раз требовала, чтобы отец, о мудрости которого она много наслышалась, начал занятия как можно скорее.

Царь и прежние учителя Клеопатры много рассказывали отцу о дарованиях этого необыкновенного ребенка, а врач Олимп поймал меня как-то и заметил, что мне нужно держать ухо востро, не то царевна несомненно быстро обгонит сына философа. Я всегда был в числе первых учеников и, смеясь, отвечал ему, что не нуждаюсь в предостережениях.

Оказалось, однако, что предостережение Олимпа имело основание. Вы, пожалуй, подумаете, вот расчувствовался старый дурак и вспоминает о талантливой девочке, как о какой-то богине. Богиней она не была, конечно, ибо лишь бессмертные свободны от слабостей и недостатков.

– Что же тебя заставило приравнять Клеопатру к богам? – перебила Барина.

Архибий улыбнулся и отвечал слегка укоризненным тоном:

– Если бы я вздумал рассказывать вам о ее добродетелях, тебе вряд ли бы вздумалось расспрашивать меня о подробностях. Но к чему я буду скрывать то, что она выставляет напоказ перед целым светом? Ложь и лицемерие всегда были ей чужды, как рыбная ловля сыну пустыни. Отличительными чертами этого удивительного существа всегда были два неутолимых желания: господствовать над всяким, с кем она сталкивалась, и второе – любить и быть любимой. Из них выросло все то, что ставит ее так высоко над остальными женщинами. Честолюбие и любовь, как два могучих крыла, вознесли ее на такую высоту. До сих пор им помогало редкое счастье, и так, если угодно олимпийцам, останется и на будущее время!

Здесь Архибий остановился, отер капли пота, выступившие на лбу, осведомился насчет вестника и, вернувшись к хозяйкам, продолжал:

– Царские дочери сделались нашими товарищами и с течением времени друзьями. В первые годы их отец позволял им проводить на острове Филы только самые суровые зимние месяцы, так как не хотел отпускать их далеко.

Правда, он редко виделся с ними. Иной раз проходила неделя за неделей, а он и не заглядывал в наш дом. Иногда же являлся каждый день, в простом платье и носилках, так как скрывал эти посещения от всех, кроме врача Олимпа.

Именно поэтому мне частенько приходилось видеть его. Это был высокий, сильный человек, с красным одутловатым лицом, возившийся с детьми, как ремесленник после работы. Впрочем, посещения его всегда бывали непродолжительными. По-видимому, он приходил, только чтобы повидаться с дочерьми. Может быть, ему хотелось посмотреть, хорошо ли им у нас живется. Во всяком случае никто не смел подходить к группе вязов, где он играл с ними.

Но в густой кроне дерева нетрудно было спрятаться, и, таким образом, я мог слышать их беседы.

Клеопатре с самого начала понравилось у нас, Арсиноя же не сразу привыкла к новой обстановке; но царь придавал значение только мнению старшей, своей любимицы, в которой души не чаял. Часто, глядя на нее, он покачивал головой и, слушая ее бойкие ответы, смеялся так громко, что его зычный хохот доносился до дома.

Однажды, впрочем, довелось мне увидеть, как слезы катились по его багровому лицу, хотя на этот раз его посещение было еще непродолжительнее, чем всегда. Он явился в закрытой армамаксе³³ и прямо из нашего дома отправился на корабль, который должен был отвезти его на Кипр, а оттуда в Рим. Александрийцы, с царицей во главе, принудили его оставить город и страну.

Конечно, он был недостоин венца, но к младшим дочерям относился как любящий отец. Напротив, страшно было слышать, как он проклинал перед детьми мать и старшую дочь, приказывая ненавидеть их и помнить и любить его, отца.

Мне тогда исполнилось шестнадцать, Клеопатре десять лет, и у меня, привыкшего чтить родителей выше всего на свете, мороз пробежал по коже, когда после ухода отца маленькая Арсиноя воскликнула, обращаясь к сестре: «Мы будем их ненавидеть! Пусть погубят их боги!» Но мне стало легче на душе, когда Клеопатра возразила: «Лучше постараемся быть добрее их, Арсиноя, чтобы боги возлюбили нас и возвратили нам отца».

«Чтобы он сделал тебя царицей?» – спросила та насмешливо, но все еще дрожа от гневного возбуждения.

Клеопатра как-то странно взглянула ей в лицо. Видно было, что она тщательно взвешивает значение этих слов, и я точно сейчас вижу, как она внезапно выпрямилась и с достоинством ответила: «Да, я хочу быть царицей!»

Потом выражение ее лица изменилось, и она сказала своим мелодичным голосом: «Не правда ли, ты никогда больше не повторишь таких ужасных слов?»

Это случилось в то время, когда учение моего отца уже начинало овладевать ее душой. Предсказание Олимпа сбылось. Хотя я посещал школу, но мне было позволено давать ответы на те же темы, которые отец предлагал ей, и не раз приходилось мне пасовать перед Клеопатрой.

Вскоре мне стало еще труднее, потому что пытливый ум этого замечательного ребенка требовал серьезной пищи, и ее начали обучать философии. Отец принадлежал к школе Эпикура³⁴, и ему удалось сверх всяких ожиданий увлечь Клеопатру его учением. Она изучала и других великих философов, но всегда возвращалась к Эпикуру и убеждала нас следовать правилам благородного самосца.

Вы, благодаря отцу и брату, знакомы с учением стоиков, но, без сомнения, вам известно также, что Эпикур проводил последние годы жизни в тихом созерцании и оживленных беседах

³³ Армамакса – азиатская повозка типа кибитки.

³⁴ Эпикур (341–270 г.г. до н. э.) – древнегреческий философ-материалист, основатель философской школы, получившей название «Сад Эпикура». Эстетическое учение Эпикура основано на разумном стремлении человека к счастью; основной девиз: «Живи уединенно». Цель жизни – отсутствие страданий, здоровье тела и состояние безмятежности духа. Познание природы освобождает человека от страха смерти, суеверий и религии вообще. Эпикур признавал существование блаженно-безразличных богов в пространствах между многочисленными мирами, однако отрицал их вмешательство в жизнь космоса и людей.

с друзьями и учениками в своем афинском саду. «Так, – говорила Клеопатра, – должны жить и мы, и называться «детьми Эпикура»».

За исключением Арсиной, предпочитавшей более веселое времяпровождение, причем она брала в товарищи моего брата Стратона, уже тогда отличавшегося геркулесовой силой, нам пришелся по вкусу совет Клеопатры. Меня выбрали руководителем, но, видя, что она охотно взяла бы эту роль на себя, я уступил ей с радостью.

После обеда мы отправились в сад и, прогуливаясь взад и вперед, беседовали о высшем благе. Беседа шла оживленно, Клеопатра руководила ею с таким искусством и так удачно решала спорные вопросы, что мы с неудовольствием встречали удары в медную доску, призывавшие нас домой, и заранее радовались предстоящей назавтра беседе.

Утром отец увидел людей перед воротами сада, но не успел справиться о причине их появления, так как Тимаген, преподававший нам историю – впоследствии, как вам известно, он был взят в плен на войне и отправлен в рабство в Рим, – явился к нему с какой-то доской. На ней была та самая надпись, которую Эпикур когда-то вывесил на воротах своего сада: «Странник, здесь тебе будет хорошо, здесь высшее благо: веселье». Оказалось, что Клеопатра рано утром сделала эту надпись на крышке небольшого столика и велела рабу потихоньку прикрепить ее к воротам.

Эта выходка едва не погубила наши собрания, хотя сделана была единственно с целью приблизиться как можно более к желаемому образцу.

Впрочем, отец разрешил продолжать собрания, но только строго-настрого запретил называться «эпикурейцами» вне сада, потому что этот благородный эпитет давно уже приобрел совершенно ложный смысл. Эпикур говорит, что истинное счастье в душевном спокойствии и отсутствии огорчений.

– Однако, – перебила Барина, – все называют эпикурейцем такого, например, безбожника, как Исидор, цель жизни которого предаваться наслаждениям, какие только можно купить за деньги. Мать недавно еще доверяла меня воспитателю, по мнению которого «веселье есть высшее благо».

– Ты, внучка философа, – возразил Архибий, покачав седой головой, – должна была бы знать, что значит веселье в понимании Эпикура. Имеете вы понятие о его философии? Смутное? В таком случае позвольте мне немного порассуждать на эту тему. Слишком часто смешивают Эпикура с Аристиппом³⁵, который ставил чувственные наслаждения выше духовных, а физическую боль считал тяжелее нравственной. Эпикур же считает высшими наслаждения духовные, потому что чувственные, которые он, впрочем, предоставляет сугубо индивидуально оценивать каждому, имеют значение лишь в настоящем, тогда как духовные простираются на прошедшее и будущее. Как я уже сказал, в глазах эпикурейца цель жизни есть достижение душевного спокойствия и избавление от страданий – это два высших блага. К добродетели нужно стремиться, потому что она дает веселье, но нельзя быть добродетельным, не будучи мудрым, благородным и справедливым, а такой человек спокоен духом и пользуется истинным счастьем. Именно в этом смысл теории Эпикура.

Как подходило это учение к чистой, не омраченной страстями душе Клеопатры! Ее деятельный ум не мог успокоиться, пока не овладел им вполне. А избавление от страданий, которое учитель считает первым условием счастья и высшим благом, конечно, являлось важнейшим условием счастливой жизни для нее, с трудом переносившей малейшее грубое прикосновение.

И вот это дитя, которое наш отец назвал однажды думающим цветком, переносило свою горькую участь, изгнание отца, смерть матери, гнусность сестры Береники без малейшей

³⁵ Аристипп из Кирены (435–355 г.г. до н. э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, считал высшим благом физическое и духовное наслаждение; по Аристиппу, добродетель и мудрость имеют ценность только как средство к его достижению.

жалобы, как героиня. Даже со мной, которому доверяла, как брату, она говорила лишь намеками об этих грустных вещах. Я знаю, что она вполне ясно понимала все происходившее, знаю, как глубоко она чувствовала. Скорбь становилась между ней и «высшим благом», но она переживала ее. А как упорно работало это нежное создание, преодолевая все трудности и обгоняя нас с Хармионой!

Тогда-то я понял, почему представительницей науки между богами является дева и почему ее изображают с оружием. Вы знаете, что Клеопатра владеет множеством языков. Замечание Тимагена запало ей в душу: «С каждым языком, который ты изучишь, – сказал он, – ты приобретаешь народ».

Она знала, что под властью ее отца находится много народов, и все они должны любить ее, когда она станет царицей. Конечно, она начала с господствующих, а не с покоренных. Кстати, ей хотелось изучить Лукреция³⁶, который излагает учение Эпикура в стихах. Отец взялся учить ее, и уже на следующий год она читала поэму Лукреция так же легко, как греческую книгу. Египетский она знала кое-как, но быстро освоила его. Встретив на острове Филы троглодита, она ознакомила и с его языком. Здесь, в Александрии, много евреев, они обучили ее своему языку, а затем она изучила и родственный еврейскому – арабский.

Когда, много лет спустя, Клеопатра посетила Антония в Тарсе, его воины думали, что им показывают образчик египетского колдовства, так как она разговаривала с каждым военачальником на языке его племени.

Любимым поэтом ее был римлянин Лукреций, хотя она, так же как и я, не питала симпатии к его народу. Но самоуверенность и сила врага импонировали ей, и я слышал однажды, как она воскликнула: «Да, если бы египтяне были римлянами, я охотно променяла бы наш сад на трон Береники!»

Лукреций постоянно приводил ее к Эпикуру, пробуждая тягостные сомнения в ее спокойной душе. Вы знаете, что по его учению жизнь сама по себе вовсе не такое счастье, чтобы считать бедствием несуществование. Поэтому прежде всего необходимо отказаться от предвзвешенности, по которому смерть считается величайшим несчастьем. Только та душа достигнет спокойствия, которая не боится смерти. Кто знает, что со смертью исчезают чувствительность и мысль, тот не испугается кончины, так как, расставаясь с тем, что ему дорого и мило, он утрачивает все желания и стремления. Заботы о трупке Эпикура признает величайшей бессмыслицей, тогда как религия египтян придерживается совершенно противоположных взглядов на этот счет, которые Анубис³⁷ старался внушить Клеопатре.

Это удалось ему в некоторой степени, так как обаяние его личности имело на нее значительное влияние. К тому же ей от рождения присуще стремление к таинственному и сверхъестественному, как моему брату Стратону физическая сила, а тебе, Барина, певческий дар.

Вы видели Анубиса. Кто из александрийцев не знает этого замечательного человека, и кто может забыть его, взглянув хоть раз ему в глаза? Он в самом деле обладает сверхъестественным могуществом. Если Клеопатра, чистокровная гречанка, придерживается египетской религии, любит Египет, готова всем пожертвовать ради его величия и независимости, то это дело его рук. Ее называют «Новой Исидой», а Исида – покровительница таинственной мудрости египтян, с которой Клеопатра познакомилась благодаря Анубису, занимавшемуся с ней в обсерватории и в лаборатории...

Но начало всему было положено в нашем эпикурейском саду. Мой отец не мог препятствовать Анубису, так как отец Клеопатры сообщил из Рима, что ему будет очень приятно, если дочь полюбит египетский народ и его тайную науку.

³⁶ Лукреций Кар (ок. 96–55 г.г. до н. э.) – поэт и философ-материалист, последователь учения Эпикура, основные положения философской системы которого он изложил в поэме «О природе вещей».

³⁷ Анубис – верховный жрец, глава жреческой иерархии в Египте.

Проживая на Тибре, Авлет не жалел египетского золота, стараясь привлечь на свою сторону влиятельных людей. Помпеи, Цезарь и Кресе, заключив триумвират, согласились вернуть трон Птолемям. Это стоило Птолемя XII не один миллион. Помпеи сам хотел отвезти его в Египет, но его осторожные друзья не допустили этого. Предприятие было возложено на Габиния, наместника Сирии. Однако властители Египта не собирались уступать трон без сопротивления. Вы знаете, что царица Береника дважды выходила замуж после изгнания отца. Первого мужа, совершенно ничтожного человека, она велела удавить; второго выбрали ей александрийцы. Это был мужественный человек, он смело взялся за оружие при появлении Габиния и пал на поле битвы.

Вскоре сенат узнал, что Габиний восстановил власть Птолемеев. До нас вести доходили не так быстро. Мы ждали их с таким же волнением, как сегодня я жду известий об исходе сражения.

В то время Клеопатре исполнилось четырнадцать лет; она была уже в расцвете своей красоты. Вы видите на портрете этот распустившийся цветок, но бутон обладал еще большей прелестью. Глаза ее!.. Как ясно и спокойно они смотрели! Когда же ей случалось развеселиться, они сияли, как звезды, а пунцовые губки принимали невыразимо плутовское, чарующее выражение, и на щеках появлялись ямочки, которые и теперь, когда стали гораздо глубже, восхищают каждого. Очертания носа были нежнее, чем теперь, и легкая горбинка, которую вы видите на портрете и которая слишком резко обозначена на монетах, была едва-едва различима. Волосы тоже потемнели впоследствии. Расчесывать их пышные волны было лучшим удовольствием для моей сестры Хармионы. Она сравнивала их с шелком и была права. Я знаю это, потому что однажды на празднике Исиды Клеопатра должна была распустить их, когда шла с сестрой за изображением богини. На обратном пути она, ради шутки, несколько раз встряхивала головой. Тогда волосы рассыпались, как водопад, закрывая ее лицо и фигуру. Она была, как и ныне, среднего роста, но удивительно пропорционально сложена и еще изящнее и грациознее, чем теперь.

Клеопатра умела привлекать к себе сердца. И хотя в действительности предпочитала другим моего отца, которого высоко ценила, меня, к которому относилась с большим доверием, Анубиса, внушавшего ей благоговейное почтение, и остроумного Тимагена, с которым любила поспорить, но со стороны казалось, что она относится одинаково ко всем окружающим, тогда как Арсиноя забывала обо мне в присутствии Стратона и глаз не сводила с красавца Менодора, ученика отца.

Когда прошел слух о том, что римляне собираются вернуть царя в Александрию, царица Береника явилась к нам, чтобы отвезти девочек в город. Клеопатра же попросила оставить ее у наших родителей и не прерывать ее учения, на что Береника презрительно улыбнулась и заметила, обратившись к своему мужу Архелаю: «Кажется, в самом деле ей безопаснее всего оставаться с книгами».

В прежнее время опекун Потин позволял иногда братьям царевен навещать своих сестер. Теперь же их не выпускали с Лохиады; да сестры и не особенно стремились их видеть. Мальчики дичились, и в своих египетских одеяниях, с длинными прядями волос на висках, по египетскому обычаю, казались им чужими.

Когда прошел слух, что римляне выступили из Газы, обеими девочками овладело страстное возбуждение. У Арсинои оно светилось в каждом взгляде, Клеопатра умела его скрывать, но лицо ее, которое нельзя было назвать белым или румяным, как у ее сестры, а... не знаю, как сказать...

– Я знаю, что ты имеешь в виду, – подхватила Барина. – Когда я видела ее, меня больше всего восхитил в ней матовый оттенок кожи, сквозь которую румянец пробивался, как свет сквозь эту алебастровую лампу или как краснота персика сквозь его пушок. Мне случалось иногда видеть это у выздоравливающих. Афродита дарит этот оттенок лицу и телу своих

любимцев, как бог времени одевает бронзу благородной патиной. Нет ничего восхитительнее таких женщин, когда они краснеют.

– Ты, я вижу, наблюдательна, – с улыбкой заметил Архибий. – Но когда радость или смущение бросали ее в краску, ее лицо напоминало не то что зарю, а слабый отблеск зари на западной стороне неба. Когда же ее охватывал гнев, а это случалось не раз еще до возвращения царя, она казалась безжизненной мраморной статуей: даже губы ее белели, как у трупа.

Отец говорил, будто и в ней сказывалась кровь Фискона и других предков, не умевших обуздывать свои страсти... Но буду продолжать, а не то вестник не даст мне дорассказать.

Итак, Габиний вернул царя в Александрию. Но во время его похода с римским войском и вспомогательным отрядом иудейского наместника общее внимание привлекали не Габиний и не Антипатр³⁸, командовавший войском Гиркана. Только и речи было, что о начальнике всадников Антонии. Он благополучно провел войска через пустыню между Сирией и египетской Дельтой, не потеряв ни единого человека на этом опасном пути, погубившем уже немало войск у Баратр³⁹. Не Антипатру, а ему сдался без боя Пелусий. Он победил в двух сражениях. Второе, в котором после отчаянного сопротивления пал супруг Береники⁴⁰, решило, как вам известно, участь страны.

С тех пор как имя Антония сделалось известным, обе девочки не уставали о нем расспрашивать. Говорили, что это знатнейший из знатных, храбрейший из храбрых, беспутнейший из беспутных и красивейший из красивых римлян.

Служанка из Мантуи, с которой Клеопатра упражнялась в латинском языке, не раз видела его и еще больше слышала о нем, так как образ жизни Антония служил темой бесконечных пересудов в римском обществе. Он ведет свой род по прямой линии от Геркулеса, и его наружность и великолепная черная борода напоминают родоначальника. Вы видели его и знаете, насколько он может заинтересовать девушку, а в то время он был почти двадцатью пятью годами моложе, чем ныне.

Как жадно прислушивалась Арсиноя, когда упоминали его имя, как изменялась в лице Клеопатра, когда Тимаген вздумал изображать его безнравственным повесой. Ведь Марк Антоний вернул престол их отцу.

Авлет не забыл своих девочек. Он, державшийся в стороне от сражений, вступил в город тотчас после решительной победы.

Дорога пролегла мимо нашего сада.

Царь только за четверть часа до прибытия предупредил дочерей через скорохода, что хочет повидаться с ними. Их поспешно одели в праздничные платья, и, надо правду сказать, обе могли порадовать родительское сердце.

Клеопатра все еще не переросла Арсиною, но в четырнадцать лет она была уже вполне расцветшей девушкой, тогда как вторая по наружности и сложению казалась еще ребенком. В душе-то она уже не была им.

Наскоро были подготовлены букеты для встречи царя. Мои родители провожали девочек до ворот сада. Я видел все, что затем произошло, но ясно разобрал только речи мужчин.

Царь вылез из походной колесницы, запряженной восемью белыми индийскими конями. Знатный придворный, сопровождавший царя, помог ему выйти. Красное лицо его сияло, когда он здоровался с дочерьми. Видно было, что его поразил и обрадовал их вид, в особенности

³⁸ Антипатр – еврейский военачальник. Войдя в доверие к Помпею, сделался опекуном бездарного иудейского царя-первосвященника Гиркана II и фактическим правителем покоренного римлянами израильского народа. В 47 году до н. э. Юлий Цезарь назначил Антипатра эпитроном (наместником) всей Иудеи.

³⁹ Баратры – согласно свидетельству древних историков, так назывались обширные болотистые топи близ Пелусия. Они являлись серьезным препятствием для прохождения неприятельских войск.

⁴⁰ Архелай, грек по происхождению, с 56 года до н. э. второй муж Береники IV; провозгласил себя египетским царем незадолго до вторжения в страну нанятых Авлетом войск Авла Габиния, в сражении с которыми был убит.

Клеопатры. Правда, он обнял и поцеловал Арсиною, но потом уж глаз не сводил со старшей дочери.

Но и младшая была хороша собой! Не будь сестры, она привлекла бы к себе общее внимание. Но Клеопатра казалась солнцем, в лучах которого меркнет всякое другое светило. Или нет! Солнцем ее нельзя назвать. От того-то отчасти и зависит ее очарование, что всякий невольно остановит на ней взор, стараясь решить, в чем же заключается ее неизъяснимая прелесть.

Антоний с первой же встречи поддался ее чарам. Он подъехал к колеснице и с небрежной учтивостью поклонился царевнам. Но когда Клеопатра, отвечая на его вопрос: заслужил ли он благодарность царевен тем, что так скоро вернул престол их отцу, – сказала, что как дочь она рада и признательна полководцу, а как египтянка не знает, что ему ответить, – он посмотрел на нее пристальнее.

Я узнал об этом ответе только впоследствии, но видел, как он соскочил с коня, бросив поводья знатному придворному Аммонию, тому самому, который помогал царю выйти из колесницы. Охотнику на женщин попала редкостная дичь. Он вступил в разговор с Клеопатрой, отец которой тоже принял в нем участие, причем нередко слышался его громкий хохот.

Нельзя было узнать серьезную ученицу Эпикура. Нам нередко приходилось слышать от нее меткие слова и глубокие замечания; но на шутки Тимагена она редко отвечала шутками. Теперь же – я видел это по лицам собеседников – она остротами отражала замечания Антония, словно ей в первый раз встретился человек, ради которого стоило пустить в ход все дарования своего быстрого и глубокого ума. И вместе с тем она сохраняла свое женское достоинство: глаза ее светились не сильнее, чем во время споров со мной или с моим отцом.

Иначе держала себя Арсиноя.

Когда Антоний соскочил с коня, она подошла поближе к сестре, но, видя, что римлянин упорно не обращает на нее внимания, вспыхнула и закусила свою пунцовую губку. Беспокойство овладело всем ее существом, и я видел по глазам и дрожащим ноздрям, что она едва сдерживает слезы. При всем моем пристрастии к Клеопатре я не мог не пожалеть ее сестру. Мне так и хотелось дернуть за руку Антония, который воистину выглядел богом войны, и шепнуть ему, чтобы он обратил внимание на бедного ребенка, тем более что ведь это тоже царская дочь.

Но Арсиное предстояло еще большее разочарование, когда царь, державший в руке оба букета, подал знак к отъезду. Антоний взял у него букет и звучным голосом произнес: «Зачем столько цветов тому, кто называет дочерью такой цветок?» Он протянул букет Клеопатре и сказал, приложив руку к сердцу, что надеется увидеть ее в Александрии. Затем вскочил на лошадь, которую все еще держал под уздцы бледный от злости придворный.

Авлет был в восторге от своей старшей дочери и сообщил моему отцу, что послезавтра возьмет девочек в город. Завтра ему предстояли такие дела, которых им лучше было не видеть. Летний дворец вместе с садом он подарил отцу и его потомкам, в знак своей благодарности. Он обещал распорядиться, чтобы перемена владельца была отмечена в кадастровых книгах.

Действительно, он исполнил обещание в тот же день. Это распоряжение было бы даже его первым делом по возвращении на престол, если б ему не предшествовало другое: казнь Береники.

Тот самый царь, которого всякий присутствовавший при его свидании с дочерьми назвал бы добродушным человеком и нежным отцом, готов был истребить половину граждан Александрии и сделал бы это, не вмешайся Антоний. Римлянин не допустил кровопролития и почтил убитого мужа Береники пышными похоронами.

Уезжая, он еще раз обернулся и поклонился Клеопатре. Арсиноя тем временем убежала в сад. По ее опухшему лицу видно было, что она горько там плакала.

С этого дня она возненавидела Клеопатру.

Авлет вызвал обеих дочерей в Александрию. Происходило это с царской пышностью. Александрийцы с восторженными криками толпились вокруг царевен, которых несли на золо-

тых креслах, под опахалами из страусовых перьев, в толпе знатных сановников и вождей, телохранителей и сенаторов. Клеопатра с гордым величием, как будто была уже царицей, отвечала на приветствия народа. А совсем недавно она с полными слез глазами прощалась с каждым из нас, обещая всегда помнить и любить своих друзей, так нежно говорила со мной, которого союз эфебов⁴¹ уже избрал своим главой...

Архибия прервал слуга, объявивший о приходе вестника. Он поспешно встал и пошел в мастерскую, чтобы поговорить с прибывшим с глазу на глаз.

⁴¹ Эфеб – юноша, достигший восемнадцатилетнего возраста. В союзе эфебов проходили гражданскую и военную подготовку к последующей деятельности.

VI

Посланцы Архибия не могли узнать ничего достоверного. Но один из скороходов царицы передал им записку Иры, пригласившей Архибия к себе на завтра. Она писала, что получены неблагоприятные, хотя, к счастью, еще сомнительные известия. Регент не жалел усилий, чтобы получить достоверные сведения, но ему, Архибию, известно, с каким недоверием относятся моряки и все население гавани к правительству. Независимый человек может скорее добиться толку, чем начальник гавани со всеми своими кораблями и матросами.

К этой табличке была приложена другая, на которой значилось, что подателю сего разрешается, именем регента, беспрепятственно выезжать за сторожевую цепь гавани, отправляться в открытое море и возвращаться, когда ему вздумается.

Посланник Архибия, начальник его корабельных рабов, был опытным моряком. Он взялся в два часа приготовить «Эпикура», корабль, подаренный Архибию Клеопатрой, для плавания в открытое море, и обещал прислать за господином повозку, чтобы не потерять ни минуты времени.

Вернувшись к хозяйкам, Архибий спросил, не злоупотребит ли он их гостеприимством, если останется еще на некоторое время (было уже около полуночи). Те отвечали, что будут очень рады, и просили его продолжать рассказ.

– Я должен торопиться, – сказал он, принимаясь за ужин, который тем временем приготовила Береника. – О последующих годах мне почти нечего сказать, тем более что все это время я был всецело поглощен занятиями при Мусейоне.

Что касается Клеопатры и Арсинои, то в качестве царевен они стояли во главе двора. День, когда они покинули наш дом, был последним днем их детства.

Возвращение ли царя или встреча с Антонием были тому причиной – я не берусь судить, – только в Клеопатре произошла большая перемена.

Перед отъездом царевен моя мать жаловалась, что Клеопатру приходится отдавать такому отцу, как Авлет, а не достойной этого названия матери, так как лучшая из женщин могла бы считать себя счастливой, имея такую дочь. Позднее ее характер и все ее существо восхищали скорее мужчин, чем женщин. Стремление к душевному миру исчезло. Только по временам ей надоедали шумные празднества, музыка и пение, никогда не прекращавшиеся во дворце коронованного виртуоза. Тогда она являлась в наш сад и проводила тут по несколько дней. Арсиноя никогда не сопровождала ее, она постоянно увлекалась то каким-нибудь белокурым офицером из отряда германских всадников, оставленного Габинием в Александрии, то знатным македонянином из царской свиты.

Клеопатра жила отдельно от нее, и Арсиноя не раз открыто выражала свое нерасположение к сестре, с тех пор как та просила ее положить конец сплетням, ходившим по поводу ее любовных походов.

Никаких подобных историй с Клеопатрой не случалось.

Хотя по временам она занималась таинственной наукой египтян, но светлый ум ее настолько освоился с эллинской философией, что ей доставляло удовольствие беседовать в Мусейоне, куда заглядывала она нередко, с представителями различных школ или слушать их диспуты. Бывая у нас, она говорила, что скучает по мирной жизни в эпикурейском саду, но тем не менее довольно усердно занималась мирскими и государственными делами. Все, что происходило в Риме, цели и стремления партий, было ей известно так же хорошо, как характеры, способности и цели их вождей.

С сердечным участием следила она за успехами Антония. Ему первому подарила она свою молодую страсть. Она ожидала от него великих подвигов, но его дальнейшее поведение, по-видимому, не оправдало этих надежд.

В ее отзывах о нем начинало чувствоваться презрение, но все-таки она не могла оставаться равнодушной к нему.

Помпея, вернувшего престол ее отцу, она считала скорее счастливым, чем великим и мудрым. Напротив, о Юлии Цезаре отзывалась с величайшим уважением задолго до встречи с ним, хотя ей было известно, что он не прочь сделать Египет римской провинцией. Она надеялась, что Юлий покончит с ненавистной республикой и сделается тираном над высокомерными властителями мира. Но приятнее было бы видеть на его месте Антония. Как часто она прибегала к магии, стараясь узнать его будущее! Отец принимал участие в этих занятиях, тем более что рассчитывал получить от могущественной Исиды исцеление своих многочисленных и тяжелых недугов.

Братья Клеопатры еще не вышли из детского возраста и находились в полной зависимости от опекуна Потина, которому царь доверил управление государством, и воспитателя Феодота, умного, но бессовестного ратора. Два этих человека и начальник войск Ахилла не прочь были бы возвести на престол Диониса, старшего сына царя, так как надеялись сохранить над ним власть; но Флейтист обманул их надежды. Вы знаете, что он назначил своей преемницей Клеопатру, с тем, однако, чтобы Дионис разделял с ней власть в качестве супруга. Это возбудило большое неудовольствие в Риме, хотя вполне согласовалось со старинным обычаем дома Птолемеев и египтян.

Авлет умер. Клеопатра сделалась царицей и вместе с тем супругой десятилетнего мальчика, не питая к нему даже родственной привязанности. Тем не менее она обвенчалась со своенравным ребенком, которому воспитатели внушали, что он один должен управлять государством.

Тут началось для нее тяжелое время. Жизнь превратилась в непрерывную борьбу со злостными интригами, исходившими главным образом от сестры. Арсиноя окружила себя собственным двором, во главе которого стоял евнух Ганимед, опытный полководец и умный, преданный ей советник. Ему удалось сблизить ее с Потиним и другими правителями, и в конце концов все они объединились в желании лишить Клеопатру престола. Потин, Феодот и Ахилла ненавидели ее, потому что чувствовали ее превосходство и сознавали, что она видит их насквозь. Им бы скоро удалось достигнуть своей цели, если бы за Клеопатру не стояли александрийцы с эфебами во главе, среди которых я еще пользовался некоторым влиянием. Вообще юношество было на ее стороне, и большинство знатных македонян из телохранителей пошли бы за нее на смерть, хотя им приходилось вздыхать по ней безо всякой надежды, как по неприступной богине.

Когда Птолемей XII умер, ей исполнилось семнадцать лет, но она не хуже мужчины умела разрушать козни своих врагов и притеснителей. Сестра моя, Хармиона, решившая поступить к ней в услужение, стала ее верной помощницей. В то время она была молода и хороша собой, недостатка в женихах у нее не было, но царица точно приковала ее к себе невидимыми цепями. Хармиона добровольно отказалась от любви благородного человека – ты знаешь его, он стал впоследствии твоим мужем, Береника, – не желая покинуть свою царственную подругу в трудную минуту. С тех пор моя сестра замкнула свое сердце для любви. Оно принадлежит Клеопатре. Ради нее одной она живет, думает, хлопочет до сего дня. К тебе, Барина, она расположена, потому что ей дорог был твой отец, Леонакс. Ира, имя которой так часто упоминается наряду с ее именем, дочь моей старшей сестры, которая была уже замужем, когда царь доверил моему отцу своих дочерей. Она на двенадцать лет моложе Клеопатры, но и ей дороже всего на свете ее госпожа. Отец ее, богач Кратес, делал все, чтобы удержать дочь от поступления на службу к царице, но безуспешно. Довольно было одного свидания с этой удивительной женщиной, чтобы Ира навеки приковала себя к ней.

Но я должен торопиться. Вам известно, как приняла Клеопатра сына Помпея, когда он посетил Александрию. Со времени встречи с Антонием она не проявляла такой благосклонно-

сти ни к одному человеку; но здесь действовала не любовь, а желание сохранить независимость родины. Отец Гнея был в то время могущественным человеком, и государственная мудрость заставляла ее повлиять на него при посредничестве сына. Итак, молодой римлянин расстался с ней «влюбленным по уши», как утверждали египтяне. Это радовало, но и в значительной мере облегчило задачу ее врагов. Каких только сплетен не распустили они на ее счет. Начальники телохранителей, с которыми она держала себя неприступной царицей, видели, что к Помпею Клеопатра относилась как к равному себе. В театрах и других публичных местах она на глазах многих свидетелей платила за его любезности той же монетой. А в то время ненависть к римлянам достигла своего апогея. Регенты, вкуче с Арсиной, распустили слух, будто Клеопатра хочет передать Египет Помпею, если только сенат доверит ей единоличную власть над новой провинцией и поможет отделаться от брата-супруга. Она должна была бежать и сначала направилась к сирийской границе, рассчитывая найти поддержку среди азиатских владетелей. Мне и моему брату Стратону – ты знала, Береника, этого славного юношу, получившего венки на олимпийских играх, – поручено было доставить ей казну. Мы подвергались большой опасности, но охотно взялись за дело и покинули Александрию с несколькими верблюдами, повозкой, запряженной быками, и толпой рабов. Предстояло идти к Газе, где Клеопатра уже начала собирать войско. Мы переоделись набатейскими купцами, и тут то мне пригодилось знание языков, которые я изучил.

Время было тревожное. Имена Помпея и Цезаря повторялись всеми. После поражения при Диррахии дело Юлия казалось проигранным, но Фарсальская битва снова дала ему перевес. Вопрос был в том, за кем пойдет Восток. Оба казались любимцами счастья. Теперь нужно было решить, к кому примкнуть.

Сестра моя Хармиона отправилась с царицей, но при посредстве одной из служанок Арсиной мы узнали, что участь Помпея решена. После поражения при Фарсале он бежал к египетскому царю, вернее, к людям, которые им управляли, в поисках убежища. Потин и его сторонники очутились в самом затруднительном положении. Войска и корабли победоносного Цезаря находились недалеко; в египетском войске служило много воинов Габиния. Принять Помпея – значило нажать врага в лице победителя, Цезаря. Мне довелось стать свидетелем ужасного решения этой задачи. Гнусные слова Феодота: «Дохлые собаки не кусаются» – были претворены в жизнь.

Брат мой и я с нашей драгоценной кладью достигли Казия⁴² и разбили палатки в ожидании вестника, когда заметили большой отряд вооруженных воинов, приближавшийся со стороны города. Сначала мы испугались, уж не погоня ли это за нами; но лазутчик уведомил нас, что сам царь находится в отряде, а в то же время к берегу приблизился большой римский адмиральский корабль. Это мог быть только корабль Помпея. Стало быть, направление политики изменилось, и царь явился лично приветствовать гостя. Войска расположились на плоском побережье вокруг Казийского храма Амона.

Сентябрьское солнце ярко светило и играло на оружии воинов. С высокого гребня, окаймлявшего пересохшее русло реки, в котором мы разбили палатку, было видно что-то кроваво-красное, развевавшееся на ветру. То была пурпурная мантия царя. Лазурные воды тихо накатывались на желтый песок. Царь стоял и всматривался в адмиральский корабль.

Предводитель войска Ахилла и трибун⁴³ Септимий из александрийского гарнизона, как мне было известно, многим обязанный Помпею, под начальством которого служил раньше, уселись в лодку и направились к кораблю.

⁴² Казий – возвышенность на морском берегу близ Пелусия.

⁴³ Трибун военный – офицер. В каждом легионе было шесть военных трибунов, исполнявших свои обязанности поочередно.

Начались переговоры, и, по всей вероятности, приветствие Ахиллы было очень теплым и внушило доверие, так как высокая женщина, стоявшая на корабле – то была Корнелия, жена Помпея, – отвечала ему приветливым поклоном.

Рассказчик остановился, перевел дух и провел рукой по лбу.

– Что произошло потом... Мне пришлось быть свидетелем кошмарного события! Часто это происшествие передавали в ложном свете, а между тем все произошло так просто... и ужасно!

Счастье делает своих любимцев доверчивыми. Таков был и Помпей. Престарелый вождь – ему перевалило уже за пятьдесят восемь – живо спустился в лодку. Его сопровождал только один вольноотпущенник. Матрос-негр оттолкнул лодку от корабля так сильно, точно его багор был копьем, а маленькое суденышко неприятелем. Помпей пошатнулся, так как гребцы уже ударили веслами, при этом движении шерстяной капюшон соскользнул с его головы. Я как сейчас вижу эту сцену. Не успел я подумать, что это нехорошее предзнаменование, как лодка уже причалила.

У берега было очень мелко. Я видел, как Ахилла указывает на сушу. Можно было перескочить на нее одним прыжком. Помпей смотрел на царя. Вольноотпущенник подал ему руку, помогая встать. Септимий тоже встал. Казалось, он хочет поддержать Помпея. Но нет! Что такое? Подле седых волос полководца что-то блеснуло, будто молния упала с неба. Хотел ли Помпей защищаться?.. Он поднял руку... и молча закрыл лицо краем тоги. Потом засверкали кинжалы... один... другой... третий... Ахилла работал ножом, точно опытный убийца. Грузное тело полководца рухнуло наземь. Вольноотпущенник подхватил его на руки.

Тогда раздались страшные жалобные стоны и крики, и все их покрывал отчаянный женский вопль, вырвавшийся из уст супруги убитого. В царском лагере послышался сигнал к выступлению; загрели барабаны, египтяне тронулись в путь. Снова мелькнул ярко-красный плащ. Септимий отправился к царю с окровавленной головой в руках. Царь глядит в потухшие глаза, перед которыми склонялся Рим и мир. Но зрелище слишком сильно для коронованного ребенка, он отворачивается. Корабль удаляется от берега; египтяне строятся и трогаются. Ахилла моет в море окровавленные руки. Рядом с ним вольноотпущенник оmyвает обезглавленный труп своего господина. Он обращается с какими-то словами к военачальнику, который в ответ пожимает плечами.

Архибий снова остановился и перевел дух. Потом продолжал более спокойным тоном:

– Ахилла не вернулся с войском в Александрию, а отправился на восток, в Пелусий, как я узнал позднее.

Мы с братом стояли на скалистом гребне и долго не могли вымолвить ни слова. Облако пыли закрыло от наших взоров царский отряд; парус адмиральского корабля скрылся из виду. Стало темнеть, Стратон указал на запад, на Александрию. Там садилось солнце. Красное, кроваво-красное! Казалось, поток крови низвергается на город.

Наступила ночь. Жиденький костер загорелся на берегу. Откуда взялись дрова? Как ухитрились разложить костер? На месте убийства валялся старый негодный челнок. Вольноотпущенник с товарищем разрубили его на куски. С помощью сухой травы, окровавленной одежды убитого и выброшенных на берег морских водорослей они развели огонь. Пламя кое-как занялось. На этот жалкий костер осторожно положили чье-то тело. То был труп великого Помпея. Ветеран полководца помог верному слуге.

Архибий откинулся на подушки и немного погодя прибавил:

– Его звали Корд, Сервий Корд. Впоследствии он был хорошо устроен. Царица приняла участие в его судьбе. Остальные? Их скоро покарала судьба. Брут присудил Феодота к мучительной казни. На его стоны один из ветеранов Помпея крикнул: «Дохлые собаки не кусаются, но воют перед смертью».

Цезарь, как и можно было ожидать, отвернулся с глубоким отвращением, когда Феодот поднес ему голову Помпея. Потин тоже тщетно ждал награды за свое гнусное преступление.

Юлий Цезарь явился в Александрию вскоре после возвращения царя. Вы знаете, что он пробыл здесь девять месяцев. Часто мне приходилось слышать, что только Клеопатра сумела удержать его так долго. Верно, но не совсем. Полгода пришлось ему тут остаться поневоле. Следующие три месяца он подарил своей возлюбленной.

Да, сердце пятидесятичетырехлетнего мужа еще раз раскрылось для страсти. Раны, нанесенные стрелой Амура, как и всякие вообще раны, труднее зарубцовываются, если раненый давно пережил свою юность. Притом же эту, столь различную летами парочку соединяли не столько общие взгляды и чувство, сколько внутреннее родство. Два окрыленных духа устремились друг к другу. Гений одного узнал себя в другом. Высшее мужество встретилось с совершенством женственности. Они должны были притягивать друг друга. Я предвидел это заранее, так как Клеопатра давно уже следила, затаив дыхание, за полетом этого орла, так далеко обогнавшего всех, даже того, на кого он сам с завистью смотрел в детстве. А она его стоила!

Мы счастливо добрались до Газы, и от Клеопатры узнали, что Цезарь несмотря на враждебное отношение граждан воцарился во дворце Птолемеев и решил навести порядок в Египте.

Мы предполагали, в каком духе будут его настраивать Потин, Ахилла и Арсиноя. Что касается Клеопатры, то ее, естественно, беспокоила мысль, что враги окончательно предадут Египет римлянам, если Цезарь предоставит им бразды правления и устранил ее. Она имела основания опасаться этого, но у нее хватило мужества самой выступить на защиту своего дела.

Ей необходимо было проникнуть в город, во дворец, вступить в непосредственные сношения с Цезарем. Всякий ребенок знает рассказ о силаче, пронесшем Клеопатру во дворец в мешке. Насчет мешка выдумывают; он был бы неудобен, потому мы и воспользовались сирийским ковром. Силач – мой брат Стратон. Я отправился вперед, чтобы обеспечить ему беспрепятственный вход.

Она виделась с Юлием Цезарем. Последовало то, что должно было последовать. Никогда я не видел Клеопатру такой счастливой, такой оживленной, хотя опасности окружали ее со всех сторон, и требовался весь военный гений Цезаря, чтобы одолеть своих противников. Повторяю, они, а не чары Клеопатры, удерживали его в городе. Что могло помешать ему увезти свою возлюбленную в Рим, как он и сделал впоследствии, если бы это было возможно? Но ничего подобного не случилось: александрийцы помешали этому.

Цезарь признал завещание Флейтиста и сделал для египетского дома даже больше, чем мог сделать покойный. Клеопатра должна была разделить власть со своим братом и супругом Дионисом; Арсиноя же и младший брат получили Кипр, отнятый у их дяди Птолемея. Разумеется, они оставались под опекой Рима.

Это решение ставило в невыносимые условия Потина и бывших правителей. Иметь Клеопатру царицей, и Рим, то есть Цезаря, диктатора, ее друга, опекуном – значило для них полностью утратить власть. Они решили сопротивляться. Египтяне, даже александрийцы, приняли их сторону, молодой царь не выносил ига нелюбимой сестры, превосходившей его во всех отношениях. Цезарь прибыл в Египет с незначительным войском, можно было рассчитывать одолеть его. И вот они напрягли все свои силы, боролись так отчаянно, что диктатор никогда не был так близок к гибели. Но любовь Клеопатры не ослабила его. Нет! Никогда еще его гений не проявлялся в таком блеске! А с какими силами, с какой ненавистью ему приходилось считаться. Я сам видел, как молодой царь, узнав, что Клеопатра проникла во дворец, выбежал на улицу, сорвал с головы диадему, разбил ее о камни и звал на помощь прохожих, крича, что ему изменили, пока воины Цезаря не увели его во дворец и не разогнали толпу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.